

ДЕТЕКТИВ ДЛЯ ВСЕХ ВЛ♥БЛЕННЫХ

**Анна Васильевна Данилова
Евгения Горская
Ольга Геннадьевна Володарская
Татьяна Витальевна Устинова
Татьяна Викторовна Полякова
Галина Владимировна Романова
Наталья Николаевна Александрова
Анна и Сергей Литвиновы
Марина Крамер
Евгения Михайлова
Татьяна Владимировна Гармаш-Рофф
Детектив для всех влюбленных
Серия «Великолепные
детективные истории»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23539658

Детектив для всех влюбленных : [сборник рассказов] / Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы и др.: Эксмо;

Москва; 2019

ISBN 978-5-04-099508-0

Аннотация

Когда в разгаре зима и кажется, что до весны еще далеко, что может согреть и поднять настроение? Конечно же, чудесный праздник, который мы успели всей душой полюбить, – День святого Валентина! В новый сборник вошли детективные рассказы популярных авторов остросюжетного жанра, посвященные Дню всех влюбленных. Самые сильные чувства и яркие эмоции на страницах этой замечательной книги!

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Татьяна Устинова	5
Татьяна Гармаш-Роффе	33
Татьяна Полякова	59
Анна и Сергей Литвиновы	74
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Детектив для всех влюбленных Сборник

Татьяна Устинова
И весь мир в придачу

Она любила его, а он, ясное дело, любил родину. Такое бывает, и даже довольно часто.

Кроме родины, Глеб любил еще свою карьеру – истово и с огоньком занимался ею, оглаживал и похлопывал со всех сторон, как норовистую лошадь. Карьера гарцевала, помахивала гривой, хорошо кушала, нагуливала бока, отливала глянцем и росла не по дням, а по часам, грех жаловаться.

Еще он любил музыку – джаз, разумеется, – и маму, которая издавна руководила своим мальчиком во всех вопросах, включая любовь, карьеру и джаз.

А Груня любила его с самого первого курса – скоро десятилетний юбилей грянет.

Полная бесперспективность подобного рода любви очевидна всем – но всегда почему-то становится очевидной годам к сорока. Ну, уж точно после тридцати.

Груне до тридцати ждать было еще два года – вон сколько. Поэтому она его любила, а он продолжал любить родину – гарцевать на карьере, выпасать ее на тучных пастбищах и слушать джаз и маму.

Еще был Ванечка, его она тоже очень любила.

Ванечка похож на Макса, а с Максом они развелись очень быстро – как только поженились, так сразу и развелись.

Почти. Почти так.

Ужасное имя – Максим. Отвратительное. И как это свекровь угораздило назвать сына таким кошачьим именем! Впрочем, свекрови имя нравилось. Она им гордилась, всегда выговаривала старательно – Максим, и никаких сокращений от этого имени не допускала. Зато Грунино ей не нравилось нисколько. Груне и самой не нравилось, да что же делать, когда родители, филологи, русофилы и знатоки классической и всех прочих литератур, считали, что у девочки должно быть хорошее русское имя!

– Тебе, Агриппина, тоже не следовало бы...

– Чего не следовало бы, Марья Петровна?

– Да вот этой самой Груней именоваться! Это не имя, это какой-то... мичуринский сорт вроде бы!

– Какой... мичуринский сорт?

– Такой! Груня! Что такое за Груня?! Ты же не дерево!..

Груня была вполне согласна, что она не дерево, но ничего изменить было нельзя, да еще мама все время путалась, называла ее Грушенькой Мармеладовой, хотя та была вовсе

никакая не Грушенька, а Сонечка – вот вам и знаток русской классической литературы!

Хорошо хоть Ванечка получился Иван Максимович, а не Федор Михайлович или Фрол Федулывч, к примеру. Груня была искренне убеждена, что все ее несчастья происходят от ее позорного имени. Разве может что-то путное выйти у женщины с таким именем?!

Когда они познакомились с Глебом, он, кажется, даже не сразу поверил в то, что она – Груня. Дело было на первом курсе, в аудитории номер триста шесть. А может, триста восемнадцать. Глеб приходил лекцию читать – такая у него была общественная нагрузка. Он считался образцовым студентом, и у него была общественная нагрузка, тоже образцовая, потому что другим, менее образцовым, давали другие нагрузки – например, дежурить при входе в общежитие.

– Как?! – переспросил он, когда она назвалась. – Как тебя зовут?!

– Груня, – повторила обладательница хорошего русского имени убитым голосом, и Глеб покатылся со смеху.

С тех пор он только и делал, что над ней смеялся – вот уже почти десять лет.

Смеялся и делал выговоры, когда она особенно надоедала ему со своей любовью, или мешала надлежащим образом холить и лелеять карьеру, или не давала как следует погрузиться в сладостно-наркотический кайф джазовых концертов – а она только и делала, что мешала, не давала и надоедала!

И по имени он никогда ее не называл. То есть совсем никогда. То есть вообще.

Ни разу за все десять лет он не обратился к ней по имени. Обычных идиотских поименований, которыми вроде бы потчуют друг друга все нежно влюбленные голубки, он тоже не признавал, как раз потому, наверное, что не являлся нежно влюбленным голубком. Как-то очень ловко ему удавалось объезжать ее имя по касательной, прямо как Герману Майеру ворота на трассе гигантского слалом.

Слалом и впрямь получился гигантский – десять лет, шутка ли!

Ужасно, что так все... не сложилось. Она была уверена – Глеб предназначен именно ей. Странно, что он этого не видит, это же так понятно!

Они были похожи друг на друга, так похожи, что иногда казалось – этого не может быть, слишком страшно. Они одинаково думали, потому что их растили по одним и тем же книжкам. Они одинаково не любили модные театральные постановки и млели от Островского. Даже Энтони Троллопа они любили оба, хотя Груня не встречала больше ни одного человека, который знал бы, что был такой хороший английский писатель. И чувство юмора у них было схожим, а что может быть важнее сходного чувства юмора!..

Но он никогда не любил ее, черт возьми!

Он спал с ней, когда уставал от одиночества, и еще потому, что был слишком разборчив и благороден, чтобы та-

щить к себе в постель случайных девиц. Груня всегда летела к нему по первому зову, радостно и истово надеясь, что вот на этот раз, вот сейчас-то уж точно он зовет ее навсегда, «на всю оставшуюся жизнь», что он наконец-то понял: без нее его «оставшаяся жизнь» скучна, и нелепа, и неизвестно зачем нужна. Они встречались иногда три раза подряд. Иногда пять. Совсем редко – семь. И он снова пропадал надолго, как будто в космос улетал.

Она томила. Надеялась. Кидалась к телефону. Мрачилась. Сердилась. Грубила. Получала родительскую взбучку. Переживала. Унижалась – в прямом смысле слова унижалась, сутулиться начинала и держать голову долу, как говаривал отец. Звонила, задавала два-три нелепых вопроса и прощалась. Он не перезванивал. Она снова звонила и разговаривала так, как никогда нельзя было с ним разговаривать, чтобы уж гарантированно поссориться и утешаться тем, что он не звонит ей не просто так, а потому, что они «поссорились».

Глеб честно с ней ссорился и не звонил. Не звонил, черт его побери, совсем!

Или звонил и говорил устало, что им давно пора расстаться, что все это ему до смерти надоело, что больше так продолжаться не может, что у него своя дорога, а у нее своя, – то же самое, что говорят всем и всегда, когда не могут от них отделаться. Но она-то точно знала, что через две недели он снова позвонит и скажет низким, необыкновенно сексуаль-

ным голосом: «Я соскучился», и она помчится к нему, полетит, побежит – куда там русской классической литературе!

Однажды, после его очередного выговора – кажется, очного, «в глаза», – она взяла и вышла замуж.

За Макса, которого свекровь гордо называла Максим.

Макс был лет на двенадцать старше Груни и Глеба и занимался какой-то скучной офисной работой. Груня понятия не имела, какой именно, даже когда была его женой. Когда-то он окончил тот же самый институт, что Груня и Глеб, и встретились они на торжественном поедании бутербродов с копченой колбасой и выпивании водки из маленьких пластмассовых стаканчиков – юбилее факультета. Макс оказался в одиночестве, из его выпуска приехали только несколько «девушек», великовозрастных, крикливых, смачно целующихся, словно ошалевших от внезапной студенческой свободы на один вечер.

– Здравсти, – сказал Макс Груне, вырвавшись от «девушек», – а я вас помню. Я читал у вас пару лекций по оптике. Михал Петрович тогда заболел, и меня назначили, чтобы у меня был опыт преподавательской работы. Перед докторской. Не помните?

Груня решительно его не помнила. К стыду своему, она так же решительно не помнила ни заболевшего Михал Петровича, ни оптики, так сказать, в целом. Но то, что и этот тоже – как Глеб! – читал ей лекции, было до крайности забавно.

– У вас какое-то необыкновенное имя, – продолжал резвиться бывший лектор. – Аполлинария? Амалия?

– Агриппина, – подсказала помрачневшая Груня.

– Точно! – восхитился будущий муж. – Как это я забыл? А чем вы сейчас занимаетесь?

Груня гордо объявила ему, что занимается тем, что работает на телевидении. Макс удивился и присмирел. Потом оказалось, что он решил, будто она работает на телевидении Ариной Шараповой, хотя Груня была всего лишь редактором в небольшой утренней программке.

После колбасы с водкой он подвез ее до дома, потому что Глеб, с которым она пришла, трепался с однокурсниками и старательно изображал, что Груню видит первый раз в жизни. Вообще ей всегда казалось, что он ее стесняется, как человек, который делает вид, будто собака, писающая на тротуаре при всем честном народе, – не его. Груня ни в чем таком замечена никогда не была, но Глеб все равно стеснялся. Никто не должен был знать, что он – «с ней». Разумеется, все знали, но разубедить его в этом было невозможно, и он унижал ее еще и этим – плечи опускались, спина сутулилась, как будто сама по себе.

Вот такую, ссутуленную и с теплым пластиковым стаканчиком в ладони, за колонной ее обнаружил Макс. Он доставал из кармана телефон, и вместе с трубкой из кармана вылез кошелек, и ключи от машины грохнулись на паркет, завертелись, поехали и оказались у Груни под каблуком. Она на-

клонилась, чтобы поднять, толкнула попойкой костюмный бок, перед носом у нее что-то мелькнуло, плеснулось, и она выпрямилась с ключами в руке. Оказывается, у Макса тоже был теплый пластмассовый стаканчик, и теперь томатный сок аппетитно капал с его итальянского галстука прямо ей на бо-тинок.

Груня оцепенела.

Макс пятерней отряхнул галстук и посмотрел на нее.

– Это ваши? – пропищала Груня и глупо помахала у него перед носом связкой. Нужно было немедленно вернуть ему ключи и бежать со всех ног в направлении канадской границы – именно это направление предписывала в подобных случаях вся мировая литература.

– Мои, – признался Макс и потряс галстуком, почему-то приобретшим от томатного сока странный зеленоватый оттенок. – Подвезти вас? Или вы на машине?

Груня попятилась и прислонилась попойкой к колонне. Колонна была холодная и гладкая.

– Я... нет, я не на машине. А как теперь быть с вашим... с этим... Вы извините меня, пожалуйста, я думала, что... короче, я только увидела, что ключи упали, а вас не заметила... Я хотела...

– Это все ерунда, – бодро сказал Макс и стянул с шеи непередаваемо зеленый галстук. Скатал его, поискал глазами урну, прицелился, метнул и попал. Груня проводила галстук глазами. Тогда она еще не знала, что Макс так решает все

проблемы на свете – решительно, навсегда и очень быстро.
– Так подвезти вас? Или вас ждет кавалер на улице?
Глеба он даже не заметил. Или не понял, что это и есть кавалер.

И подвез ее.

Сначала подвез, а потом женился.

Самое главное – он все про нее знал. К счастью, оказалось, что он очень умный.

– Я тебя не люблю, – решительно сказала она, когда Макс сделал ей предложение.

– Это не имеет никакого значения.

– Как?! – Груня, воспитанная на русской классической и прочих хороших литературах, совершенно точно знала, что только любовь и имеет значение.

Макс почесал длинный нос:

– Да так. У нас с тобой будет очень хорошая семья, и наплевать на все остальное.

– Подожди, – попросила она. – А ты?.. Ты меня тоже... не любишь?

Он промолчал и даже вздохнул тяжело.

– Нет, ты мне скажи. Зачем тебе тогда приспичило на мне жениться, если ты меня не любишь?!

И он сказал, морщась:

– Я люблю тебя. Правда. Но... немножко не так, как ты это себе представляешь.

– Как – не так?! – возмутилась Груня. – Что значит, не

так?! Тогда Расскажи мне как!

— Не Расскажу, — тихо сказал он. — Я не умею ничего такого рассказывать. Но ты все-таки выходи за меня.

И она вышла. Поссорилась с Глебом и вышла.

Глеб ужасно удивился. И даже ревновал некоторое время, доставляя Груне искреннюю и чистую женскую радость. Но и замужество ничего не изменило — они продолжали встречаться, то реже, то чаще, но всегда в его холодной нищенской съемной квартирке в спальном районе. К себе она Глеба почему-то никогда не звала.

Потом родился Ванечка, беленький, удивительно похожий на Макса, и без того сложная сложность усложнилась еще в сто раз. Встречаться стало некогда, кроме того, обманывать Макса было как-то не так стыдно, как Ванечку. В конце концов, Макс был взрослый человек и все про нее знал — она сама ему сказала, вот молодец какая! Словно заранее indulgence выпросила на свидания с Глебом, но оттого, что как бы это разрешалось, ей все время было неловко, гораздо более неловко, чем если бы не разрешалось!

Кроме того, ее муж ничего не замечал. Он никогда и ничего не замечал, и это раздражало ее ужасно.

Он приезжал с работы, сдирал с шеи очередной итальянский галстук, по дороге в ванную оставлял на креслах и стульях последовательно пиджак, рубашку и брюки, напяливал майку и джинсы, протертые на коленях до дыр, и весь вечер таскал Ванечку на руках, делал ему «козу», громким голосом

декламировал глупые стихи, фальшиво пел глупые песни, потряхивал, подбрасывал, пощекотывал и заливался идиотским отцовским смехом, когда Ванечка пускал на него слюни. Поэтому Ванечка сказал «папа» примерно на год раньше, чем «мама», а Груня только и делала, что выслушивала лекции близких и дальних о том, что отец портит ребенка и в конце концов испортит окончательно.

Испортить ребенка окончательно Максу не удалось. Они развелись.

Груня была уверена, что Макс и в этом случае ничего не заметит, и ошиблась. Она была уверена, что, если пообещает ему беспрепятственные свидания с сыном, Макс несколько не огорчится, даже, пожалуй, обрадуется – больше не придется жить с женой, которая постоянно и упорно ему изменяет, кидается к телефону, уходит с ним – с телефоном то есть – в ванную, а выходит оттуда все с тем же телефоном и красными от слез и «чувств-с» глазами. В конце концов, ни один мужчина, даже такой «равнодушный», как Груня определила для себя Максому сущность, долго терпеть вряд ли сможет.

– Ты сошла с ума, – сказал Макс, когда она объявила ему, что уходит, и ей вдруг показалось, что он умер. Вот так взял и умер у нее на глазах, и то, что он сидит и говорит, и снимает очки и трет глаза, и снова надевает очки, совершенно не означает, что он до сих пор жив.

– Ты не думай, – затараторила Груня, испуганно рассмат-

ривая мертвого Макса, – Ванечка останется. То есть он, конечно, не останется с тобой, но ты можешь с ним видеться хоть каждый день, как всегда.

– Ну да, – согласился Макс.

Груня перевела дыхание и бестолково и неаккуратно налила себе воды из бутылки. Она не думала, что объяснение будет таким трудным.

Макс встал из-за стола и пошел куда-то, странно моргая глазами, как сова, потом вернулся и повторил зачем-то:

– Ты сошла с ума.

Больше он не говорил ей ничего такого, и они развелись легко и интеллигентно, как в кино. Макс стал просто «старым другом», «хорошим товарищем», проверенной «боевой подругой», умной, всепрощающей жилеткой, плечом, локтем – частью ее гардероба или анатомии.

Только бабушка однажды сказала:

– Так не бывает.

Груниной бабушке стукнуло восемьдесят восемь, и Груня привезла Ванечку, чтобы та его «потетешкала». Бабушка «тетешкала», «тетешкала» и про Макса выпрашивала. Груня ей и выложила про плечи, жилетки и еще про то, что он идеальный отец, и еще про то, что он «равнодушный», и про то, что она «освободила» его, чтобы он мог спокойно строить свою личную жизнь. И немного про Глеба рассказала и свою неземную, единственную на всю жизнь любовь.

Бабушка посмотрела на Груню внимательно. У нее были

короткая седая стрижка, свитер до колен и на каждом пальце по кольцу. Груня ее обожала.

– Матушка, – сказала она внучке, – ты и впрямь так глупа или притворяешься?

– Ты что?..

– С чего ты взяла, что мужчина, которого ты оскорбила, может стать тебе другом?! Что это вообще за дружба с женщиной?! – И тут бабушка раздула аристократические ноздри и сунула Ванечке костяной веер тысяча девятьсот третьего года выпуска.

Груня пожала плечами.

– Мы развелись, но остались в хороших отношениях, только и всего, – начала она, не слишком уверенная, что говорит все правильно, кроме того, ей вдруг показалось, что это звучит как-то на редкость глупо. – Он Ванечку любит, приезжает, гуляет с ним, деньги... тоже...

– Деньги! – фыркнула непочтительная фрондерка-бабушка. – При чем тут деньги, позволь поинтересоваться?! Да если бы он не хотел тебя больше, он забыл бы о тебе в ту же секунду! И ребенок тоже совсем ни при чем, матушка. Надо же, какие глупости ты говоришь, удивительно даже!

– Да почему глупости-то? – пробормотала сбитая с толку Груня.

– Да потому что мужчин, которые ничего не хотят, а только дружат, придумала ваша советская власть! Чтобы никто не отвлекался от строительства коммунизма! Ты что, стро-

ишь коммунизм?

– Я – нет, – призналась Груня.

– Вот именно. И твой муж тоже не строит, я думаю.

– У меня нет мужа, – ожесточенно пробормотала внучка.

– Есть, – энергично возразила бабушка, – только ты об этом не знаешь.

После этого разговора Груня стала внимательнее следить за Максом и ничего такого не выследила. Он не кидал взглядов исподтишка, не вздыхал, не печалился, не метался, не пытался прижать ее к стене и впиться поцелуем в губы – словом, не делал ничего такого, что в соответствии с мировой литературой и мировым кинематографом означало бы, что он ее «хочет» и «ничего не забыл».

Глеб на заднем плане продолжал слушать джаз и вызывать Груню на свидания. Груня уже почти болезненно ненавидела джаз и покорно таскалась на свидания, как будто ее тянули на невидимом аркане. Утром им всегда было неловко, словно они десятиклассники, не умеющие почти ничего и выполняющие специальный тренировочный комплекс – с натугой, изо всех сил и все время контролирующие себя со стороны, чтобы не сопеть, не потеть, не хрюкать, принимать изысканные позы, втягивать живот, говорить умные и красивые слова. Кроме того, в его съемной квартире ей было неудобно, враждебно, и фена не было, и зубную щетку приходилось возить с собой в пакетике. Весь день на работе эта проклятая щетка лезла ей на глаза, ехидно напоминая о том,

что сегодня вечером она должна – именно должна! – удаться в разврат, а Ванечку от мамы опять забирает Макс, черт бы побрал его благородство!

Злилась она почему-то именно на Макса, а не на Глеба.

Господи, что это бабушка выдумала про то, что ему не все равно, что он ее «хочет»! Никто ее не хочет, никому она не нужна, а все потому, что такая дура, да еще Груня!..

Потом ее послали в командировку. Начальник послал. У нее был замечательный начальник, который не только не мешал, но и всячески помогал ей делать карьеру. Такое тоже бывает.

Следовало сделать интервью со знаменитым писателем, всю жизнь прожившим за границей и вернувшимся на историческую родину лишь недавно. Жил он в усадьбе в далеком далеке, приглашение было на два лица, и шеф распорядился, что поедут Груня и оператор, хотя желающих было много – всем хотелось интервьюировать великого писателя!

Груня оставила Ванечку маме, выдала кучу распоряжений, чувствуя себя почти что Евгением Киселевым, и оператор повез ее по худым российским дорогам в худой российской машинке в далекое далеко.

Осень была. Листья сыпались. Шоссе упиралось в низкое кудлатое небо. Приемник пел про то, что никто и никогда «так не называл ее по имени».

По имени ее называл только Макс. Даже мама часто путалась, а Макс никогда.

Писатель им с оператором не понравился. Вот не понравился, и все тут.

Какой-то он был слишком уверенный в том, что он – гений. Кроме того, он имел слишком уж безапелляционное мнение о том, как именно следует жить всем в этой стране, включая Груню и оператора, а они точно знали, что так жить не смогут никогда. У него был назидательный тон, нарочито народные словечки и присказки, обязательные иконы в углу совершенно американского кабинета.

Уже ничего не хотелось – ни блестящего интервью, которое, по замыслу, должно прославить их как знаменитых журналистов, ни ночевки в просторных комнатах, убранных в «русском духе». И все казалось в тягость – постный обед, послеобеденная прогулка с женой писателя, которая, безукоризненно следуя законам жанра, рассказывала им, как велик ее муж и как был гол, нищ, сир и убог, и семейные реликвии, к которым они были допущены, как почетные гости – с поминутными оговорками, что не все, даже почетные, допускаются до этих самых реликвий. К вечеру Груня устала так, что еле-еле выждала время, когда уже было пристойно удалиться в свою комнату в «русском духе».

Она долго стояла под душем, потом причесывалась перед зеркалом – клетчатая теплая пижама, бледное лицо, отросшие до плеч темные волосы. Потом бросила щетку, упала животом на широченную кровать и, словно бы торопясь отделаться от всей ерунды этого дня, от разочарования, от чув-

ства недовольства собой, позвонила Максу.

Он несколько не удивился – он никогда и ничему не удивлялся, особенно с тех пор, как умер на кухне.

Она быстро рассказала ему все, катаясь по постели и то так, то эдак рассматривая деревянные лакированные потолки. Потолки были сказочной красоты.

Он несколько раз сочувственно хмыкнул, спросил, когда заканчивается визит и во сколько он может приехать к Ванечке.

– У вас дождь? – спросила Груня. – Тут дождь. У меня окно открыто, и так здорово пахнет лесом.

– Ты простынешь, – тут же сказал он. – Холодно на улице. Груня засмеялась.

– Купи завтра чего-нибудь, когда поедешь к нам. Я ужин приготовлю.

Он помолчал. В предложении ужина было что-то новое, как будто обещание, или возвращение, или это осень виновата и ее плохое настроение?

Он пообещал, что купит «чего-нибудь», и они попрощались. Он – задумчиво, она – неохотно. Макс был свой, а окружающий дом слишком чужой, чтобы она могла чувствовать себя спокойной.

Наутро тоже было пасмурно, и до завтрака Груня вышла на террасу подышать. Ей очень хотелось уехать, но оператор должен был снимать натуру, а она знала, что дело это небыстрое, и до вечера они как пить дать проснимают, и хорошо ес-

ли удастся уехать сегодня, можно и до завтра застрять, вполне!

Тяжелые капли со стуком падали на деревянные перила. Сырой плотный ветер, пахнувший грибами, лесом и прелыми листьями, дунул в лицо, растрепал волосы. Груня спустилась с крыльца и пошла между деревьями, трогая мокрые шершавые стволы. Рваные низкие тучи летели над далеким шоссе. Какая-то машина свернула с дороги и теперь ехала по проселку, ныряя, как пловец в воду, в дрожащие желтыми и красными листьями кусты на обочине.

Груня все шла и шла и остановилась, только когда оказалась нос к носу со своим бывшим мужем.

– О господи, – сказала она, не придумав ничего лучшего. – Откуда ты взялся?!

– Из Москвы. – Он пожал плечами. – Я решил, что тебя нужно забрать. Поедем?..

Она смотрела на него во все глаза. Он был небрит, и светлая щетина странным образом молодила его, и она вдруг удивилась, что этот человек – в свитере и короткой кожаной куртке, высокий, худой, улыбающийся странной улыбкой, – ее бывший муж. Он не может быть ее бывшим мужем, ведь никогда раньше она его не видела!

Никогда.

– Ты проехал триста километров, потому что вчера у меня было плохое настроение? – спросила Груня у этого незнакомого человека, мимолетно удивившись, что привычно назы-

вает его на «ты».

Он опять пожал плечами.

– Ты... можешь уехать?

У нее было три секунды, чтобы принять решение. Три удара глупого сердца, которое всю предыдущую жизнь билось только для Глеба – по крайней мере Груне так казалось.

Раз. Два. Три.

Груня взяла бывшего мужа за отвороты куртки и сказала быстро:

– Как хорошо, что ты приехал! И как это ты... догадался? Я... сейчас. Я только пойду скажу им, что уезжаю, а то они будут меня искать. И сумка. Я возьму сумку.

– Ты не торопись. – Он посмотрел на ее пальцы, державшие его куртку. Она разжала руки. – Я подожду тебя в машине.

Все неожиданно стало прекрасно, и, прощаясь с писателем и его женой и выражая сожаление по поводу краткосрочности ее визита, она сияла такой шикарной улыбкой, что выдавший виды писатель неожиданно смутился, заподозрив неладное.

Они долго ехали и молчали. У Груни горели щеки, и она время от времени трогала их горячими растопыренными ладонями.

Зачем он приехал?.. Как это вышло, что он приехал?..

Может, бабушка права, а она, Груня, не права?..

– А почему ты не на работе? – вдруг спросила она.

– А потому, что сегодня суббота.

– Макс, я такая свинья.

Он сбоку посмотрел на нее.

– Я... не понял.

– Макс, я все время ужасно себя веду, а ты мне все прощаешь, – выговорила она, раздражаясь. – Лучше бы не прощал, ей-богу! Ты же не архангел Михаил, черт тебя побери!

– Ну хочешь, я тебя в следующий раз побью, – предложил он. Что его так развеселило – непонятно.

– Я ничего не понимаю! – крикнула она. – А ты мне ничего не объясняешь! Ты только все время изображаешь какое-то непонятное скучное благородство!

– Я не умею разговаривать такие разговоры, – сказал он. – Я люблю тебя. Я уже говорил однажды. С тех пор ничего не изменилось. Я люблю тебя и Ванечку.

– Это не любовь, а черт знает что!..

– Это у тебя не любовь, а черт знает что, – отрезал он. – В Суздале есть «Трактир Тучкова». Может, поедим?

Вот и поговори с ним! Она про любовь, а он про трактир! Но даже это не испортило Груне настроения.

Дождь пошел сильнее, когда они остановились у маленькой гостинички-теремка, и пока бежали от машины под крышу, дождь вымочил волосы и лица, и они отряхивались в сухом и теплом нутре ресторана как две собаки.

Они обедали очень долго, и уезжать им не хотелось, как будто они и впрямь счастливая пара, и им приятен этот

неожиданный короткий отдых вдвоем, и они стараются растянуть его подольше. Груня рассказывала ему все сначала – как встречали, чем кормили, что говорили, – и он слушал, удивлялся, переспрашивал, и засмеялся, когда она в лицах представляла диалог писателя и его супруги о том, кто более велик в вопросах философии – сам писатель или же Розанов. Писатель из природной скромности считал несколько более великим Розанова, а супруга наоборот.

Когда перевалили через Розанова и дошли до кофе – огненного кофе в больших глиняных кружках, согревавших душу и руки, – Макс вдруг предложил:

– Давай останемся.

– Что значит – останемся?

– До завтра. Это же гостиница. Позвоним нашим, скажем, что вернемся завтра. Завтра... выходной.

Но разве дело в том, выходной завтра или нет!

Он предлагал ей себя. Или не предлагал? Или она опять все неправильно поняла? И как понять правильно?!

Будь на ее, Грунином, месте бабушка, она моментально все поняла бы!

И случилась у них ночь любви, как пишут в романах. Впрочем, все врут в романах. И не ночь, а день, ночь и еще полдня, кажется.

Господи, помоги нам!..

Они даже почти не разговаривали, хотя, пожалуй, следовало бы. Они просто попали под водопад – трудно разгова-

ривать, попав под водопад.

Вокруг ревело и грохотало, какие-то глыбы ворочались вокруг них, какие-то силы становились на дыбы и что-то все рушилось и падало. Наверное, именно так небо падает на землю.

И никогда, ни одного раза до этой неожиданной остановки в гостиничке города Суздаля оно никуда не падало, всегда прочно держалось на своем месте.

Какой там тренировочный комплекс с контролем дыхания и пульса и втягиванием живота до самого позвоночника – из эстетических соображений!

Груня вдруг поняла, зачем все это нужно – свинцовое небо над дорогой, желтые листья, мужская небритая щека у края свитера, а раньше не понимала!

Неожиданно ей стало ясно, что все время, с того самого момента, когда она толкнула его попойкой и томатный сок вылился на галстук, она только и ждала, когда наконец сможет вцепиться в него, попробовать на вкус, оценить со всех сторон, подышать в шею или в сгиб локтя, чтобы он даже не застонал, а завыл от отчаяния и боли – и посмотреть, что из этого выйдет.

Из этого вышло – много чего.

Она ласкалась к нему, как будто он вернулся живым с войны, как будто она не чаяла его больше увидеть, а он самый нужный, единственный на свете человек. И свободу она вдруг обрела, и уверенность, и защищенность, и потом все

это исчезло и остался только он, со всей своей мужской недоласканностью, смущением и постепенной потерей рассудка.

Странно, что она раньше не понимала, ведь это так очевидно. Пятый элемент. Любовь. Немножко не то, что виделось в студенческих снах.

Он стонал и рычал рядом, возле самого ее уха, которое было предназначено только для того, чтобы он стонал и рычал в него. Он подставлял себя ей, стараясь, чтобы она не пропустила ничего, попробовала все. Они не говорили, не думали, не играли, не выискивали удобных положений и не изобретали изысканных ласк.

И главное, самое главное – как просто это было! Ветер дует. Вода течет. Огонь горит.

Ах, черт возьми!..

Оказывается, великая литература как раз об этом и ни о чем другом. Кто-то посмеялся над ними, решив прямо сейчас, в эту минуту, в суздальской гостиничке продемонстрировать им двоим – зачем. Во имя чего.

Нет ни конца, ни края, разве вы не понимаете? Эх вы! Только так, и больше никак, и еще немножко так, и еще сильнее, и еще чуть-чуть. Задумано было именно это, а вовсе не то, что вы по глупости и лени своей называете любовью! Кто вам сказал, что ваша суетливая сиюминутная торопливая похоть комнатной температуры, со всех сторон обложенная бытом, как татары Иваном Грозным под Казанью, и есть любовь?! С чего вы это взяли?! Ошиблись, что ли?

Вот так, всем скопом, называемым человечеством, взяли и ошиблись? Дураки, только и всего.

Понятно зачем и нестрашно, только когда есть вот это – и еще немножко так, и еще сильнее, и еще чуть-чуть. Можно стирать носки и наволочки, варить борщи, ходить на работу, когда знаешь, что оно – с тобой, все время где-то рядом, в суздальской гостиничке, к примеру. Только в этом случае не имеет значения зубная щетка в пакетике и нищета спального района, и осень, и что все так быстро и так безвозвратно, и жалко, что столько времени потеряно даром, и он в этом виноват – она же не знала!..

Она не знала, а он знал, потому что еще тогда говорил ей, что любит ее немножко не так, как она это себе представляет, так вот, оказывается, – как!

Только так. И больше никак.

Спустя тысячелетия и века, после всех катастроф, ураганов, тайфунов и землетрясений, после гибели цивилизации и ее отчаянного возрождения, после того, как их, обессиленных, выбросило на берег, он решил попробовать пошевелиться, чтобы проверить, слушается ли его тело.

Он пошевелился и не понял, слушается или нет. Ощущения не возвращались, а вернувшиеся были не те, к которым он привык за сорок лет пути и за двадцать с лишним своей мужской жизни.

Его сообщница, его бывшая жена, – его все! – не подавала никаких признаков жизни. Тогда он испугался и потряс

ее. Она шевельнулась, по ней как будто прошла приливная волна и опять затихла.

– Ты жива? – глупо спросил он.

– Точно не знаю, – отозвалась она откуда-то издалека и потом стремительно приблизилась. – Почему ты не рассказывал мне, Макс?!

– Что?..

– Ну, вот это... все.

Он не понимал или делал вид, что не понимает, а может, так они устроены, что и вправду не могут говорить об этом. Может, именно в этом случае их поражает немота. Все-таки они пришельцы, инопланетяне, чужаки. В той, настоящей, реальности это было совершенно понятно, и кое-какие знания Груня оттуда захватила сюда.

– А почему раньше?.. – начала было она, но Макс перебил:

– Всегда. Только ты не хотела и...

– Нет, не я, а ты! Ты же знал! Ты знал, да?

– Да, – покаялся он. – Наверное, тебе нужно было время.

Груня возмутилась:

– При чем тут время?!

Он улыбнулся, лег на спину и уложил Груню себе под мышку.

– Я всегда знал, что ты... – тут он вздохнул протяжно, – что ты... предназначена для меня. Меня бесило, что ты не понимаешь, а это совершенно очевидно!

– Бесило? – недоверчиво переспросила Груня. Она не мог-

ла себе представить, чтобы Макс «бесился». Может, если бы могла, все давно встало бы на свои места.

– Ты – единственный человек для меня, – задумчиво продолжал Макс, – но я не уверен точно, может, это бывает... односторонне? Может, ты для меня, а для тебя кто-то другой? Не я?

– Нет, – уверенно возразила новая Груня. – Так не бывает. То есть односторонне не бывает. Прости меня, пожалуйста, я была свиньей. Простишь?

Муж вдруг захохотал, приподнялся на локте и цапнул ее зубами за шею. Груня охнула. По позвоночнику сверху вниз прошел озноб. Прошел и оставил за собой замершую в ожидании дорожку. Макс провел по дорожке горячей ладонью – снизу вверх.

– Давно тебя надо было послать к писателю, – сказал он ей в ухо, – сразу же.

И водопад грянул снова, материализовавшись из воздуха, сумрачного от дождя и осени за окнами, и загрохотал, и завыл, и стало невозможно разговаривать, да не очень-то и хотелось.

Грохотало и ревело долго, а когда утихло, оказалось, что уже утро, Макс громко и фальшиво поет в душе, а в Груниной сумке звонит телефон.

Кое-как, помогая себе руками, она сползла с кровати, потянула сумку, долго копалась, искала, потом нашла мобильник и некоторое время смотрела, не понимая, что должна с

ним сделать. Потом вспомнила.

– Алло.

– Это ты? – нежно спросил из трубки Глеб, не признававший ее литературного имени.

– Я, – призналась Груня, соображая, кто это может быть. Ах да. Это Глеб. Любовь всей ее жизни.

– Ты где?

– Где я? – удивилась Груня. – Я здесь. А что?

Макс все пел в ванной, она слушала его пение и не слышала Глеба в трубке.

– Груня, – осторожно позвал ее Глеб впервые за все десять лет, – ты меня слышишь?

– Слышу тебя хорошо, – уверила она.

– Что? – закричал Макс из ванной. – Я сейчас выйду, здесь ничего не слышно!

– Он сейчас выйдет, – сообщила Глебу Груня.

– Кто выйдет?! Откуда?!

– Вы ошиблись номером, уважаемый, – твердо сказала Груня, – извините меня, пожалуйста. Я его только что нашла и теперь мне надо хорошенько посмотреть за ним, чтобы не потерялся, понимаете?

Глеб растерянно молчал. На заднем плане, с его стороны трубки, булькал ненавистный джаз. Груня засмеялась. Теперь этот самый джаз не имел к ней никакого отношения, зато фальшивое пение из ванной имело самое непосредственное, и – боже мой! – что это было за счастье!

Она даже попрощаться с Глебом не стала, просто нажала красную кнопку и все. Повернулась, натолкнувшись глазами на голого Макса, который вывалился из ванной, и удивилась. Вид у него был странный.

– Ты что?

– Кто тебе звонил?

– Никто мне не звонил, – честно ответила Груня, – какой-то придурок номером ошибся.

Потянула за полотенце, которое ее муж держал в руках, подтащила Макса к кровати, толкнула, повалила и проворно устроилась рядом.

Оказывается, ей нужно совсем немного. Оказывается, ей нужен Макс – и весь мир в придачу, только и всего.

Глеб, наверное, все еще продолжал любить родину, но ей стало все равно – она его больше не любила.

Собственно, она никогда его не любила.

Татьяна Гармаш-Рофф

Сказки сиреневой долины

Обожаю дни своего рождения. Обожаю месяц, в который родилась, – май. Он юн и великолепен, полон сил и обещаний счастья. Мне жаль людей, живущих в теплых странах: им не дана радость прихода весны, – ведь она едва отличается от зимы.

Некоторые говорят, что день рождения, как и Новый год, пустая формальность, которую мы сами наполняем смыслом. Так что с того! Хочешь, чтобы у тебя был праздник? Создай его. Никто не сделает это лучше, чем ты сам.

Лично я праздновала свой день рождения дважды: сначала с родителями дома, потом с друзьями (с тех пор, как они у меня появились) в каком-нибудь веселом месте. А с прошлого года я его праздную трижды. Третий – наедине с Сережей.

Сегодня мне двадцать пять. Мне нравится это число. Оно молодое, веселое, как май, но и как будто уже зрелое. Я нарочно так говорю: как будто, – потому что подозреваю: через пять лет буду чувствовать себя еще более умной и зрелой, а уж в сорок – представляете? А в семьдесят? Я стану такой мудрой, что страшно подумать!

Сережа попросил, чтобы сегодня я собрала всех у нас до-

ма. Чтоб были и родители, и друзья. Он хочет получше со всеми познакомиться, сказал. Но я, честно говоря, подозреваю, что он собирается сделать мне предложение. Красиво и торжественно. Он тоже умеет устраивать праздники, мой Сережа, — себе и другим.

А пока у меня на голове тюрбан из полотенца — я только что вышла из душа и теперь навожу красоту перед зеркалом. Сегодня один из лучших дней моей жизни: мне двадцать пять и я счастлива.

...Нет, неправда. Я обманываю себя. День-то, конечно, один из лучших, но есть в моей жизни кое-что... Тайна, которая лишает радости, портит праздник. И с каждым годом, с каждым маем она мучает меня все больше...

Потому что это случилось тоже в день моего рождения, только семь лет назад.

* * *

— ...За твоё восемнадцатилетие, Анечка! — мама подняла бокал с шампанским. — Дорогая моя девочка, будь всегда такой здоровой и красивой, как сегодня! И чтобы больше никогда, никогда не случилось с тобой... — голос мамы дрогнул.

Вот и слезы полились.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, мамочка, — я обняла ее, — давай просто за это чокнемся.

Мама хотела сказать: «Чтобы никогда больше не верну-

лась к тебе болезнь». И для такого пожелания имелась веская причина: ведь до одиннадцати с половиной лет я прожила с парализованными ногами. Кровать да инвалидное кресло были единственными территориями моего обитания. Двор, школа, улицы и парки, кафе и театры, магазины и многое другое, куда ежедневно и без всяких затруднений ходили нормальные люди, – все это было не для меня. Воздухом я дышала на балконе, – вывозить кресло-каталку из подъезда сущее мучение, и родители редко баловали меня настоящими прогулками. Я разнообразила, в отсутствие жизни физической, жизнь духовную: книги, музыка, кино. Компьютер, Интернет. Друзей у меня не было – я училась дома. Социальные сети тогда еще не захватили Интернет, хотя существовали какие-то форумы... Однако на них я тоже не общалась – с кем? Девчонки болтают там обо всем том, что мне недоступно.

И вдруг случилось чудо. Меня согласились положить в новую частную клинику, где работали израильские хирурги по новейшим методикам. Все отказывались от меня до сих пор, – а тут такой подарок! В этой клинике не только нашли причину паралича, но и сумели меня от него избавить! Я до сих пор с изумлением вспоминаю об этом. Настоящее чудо!

– Кстати, мам, пап, а как так вышло, что израильская клиника согласилась меня лечить? Она ведь частная, да? Значит, дорогая...

Маленькая, я не задумывалась об этом. Но восемнадцать

лет – возраст серьезный, и я задумалась прямо за праздничным столом, с недопитым бокалом шампанского в руке.

– Денег ведь у нас никогда больших не было. Вы приняли иудейскую веру, и я попала по какой-то программе... не знаю, благотворительной? Или вы влезли в долги? Или, не знаю, грабанули банк? – засмеялась я.

Родители молча переглянулись. Лица их стали серьезными.

– Это что, секрет? – не выдержала я.

– Н-нет... Просто...

– Да что же?!

– Все так странно, Анечка... Мы получили деньги от кого-то... Нашли в почтовом ящике тридцать тысяч долларов в конверте. В нем была записка: «На лечение Ани». И указан адрес этой клиники. Но ни подписи, ни телефона или адреса нашего благодетеля.

– Ничего себе!!!

– Мы тогда тебе не сказали, потому что ты была маленькая, в деньгах ничего не понимала. И потом, боялись, если честно. Мало ли откуда эти деньги. Вдруг какие-нибудь левые...

– Левые деньги отмывают официально, – сказала я веско, со всем апломбом своего юного всезнайства. – Вкладывают в благотворительный фонд или в какую-то коммерцию, но так, чтобы видно было. Потому что эти деньги должны стать чистенькими и уже вполне законно лечь на счета, на «правые»,

и крутиться дальше. И потом, тридцать тысяч – это много для нас. А для «левых» это не сумма!

«Всезнательство» мое и в самом деле было нетипичным для подростка: сказались годы, проведенные за чтением книг и статей. Даже после того как я начала ходить и учиться в обычной школе, свободное время отдавала самообразованию. Наверное, я по природе любознательна. Мне хочется больше знать о мире: только так можно почувствовать, какой он огромный. Есть мир обычный, в котором мы живем; есть тот, что виден лишь в телескоп или, наоборот, в микроскоп. Когда ощущаешь, как расширяются в твоём сознании границы мира, то будто и твоя душа становится больше, и дышишь глубже... Я интересовалась всем подряд: открытиями в астрономии, физике, медицине, компьютерными технологиями, статьями по экономике и политологии, и еще уймой всяких увлекательных вещей. Читала я так много, что знания сами по себе осели в мозгу.

– Возможно, – неуверенно согласился папа. – Хотя по тем временам это была очень большая сумма, у нас даже от нее немного осталось после твоей операции... Но теперь это не имеет значения. Деньги предназначались для твоего лечения, и мы тебя вылечили.

– Только до сих пор не знаем, кому спасибо сказать! – мама снова разрыдалась.

А меня вдруг словно электрическим разрядом пробило: Фея!

– Знаете, родители, а у меня ведь тоже был от вас секрет... И почему-то мне кажется, что оба секрета связаны. Когда мне было одиннадцать лет, ко мне прилетела Фея...

... Апрель перетекал в май, вокруг разгоралась весна. Желтые звездочки одуванчиков усеяли зазеленевшие газоны. Я всего лишь один раз в жизни держала в руках их нежные, шелковистые венчики – папа мне нарвал. Помню, испачкала нос в желтой пылице, а потом мы смеялись с родителями, когда они дали мне зеркальце.

Я сидела на балконе – «гуляла». То есть жадно втягивала ноздрями терпкие ароматы оттаявшей земли, пробившейся травы, набухших почек... И подставляла лицо уже жаркому солнцу, стараясь не смотреть во двор на весело бегающих и кричащих детей – детей, у которых имелись ноги. Конечно, я завидовала и расстраивалась. Иной раз плакала. Хотя уже тогда понимала: не поможешь горю слезами. Надо учиться жить с этим. Вернее, без этого. Без того, что есть у всех. Без ног.

Некоторые дети знали, что я, инвалид, сижу на балконе и смотрю на них с завистью, и нарочно дразнили меня. Один мальчишка откровенно кривлялся под моим балконом, корча рожи. Остальные, наоборот, делали вид, что о моем существовании не подозревают, но играть они приходили именно под мой балкон, будто во дворе не было другого места. Они хотели, чтобы я видела их, завидовала и плакала. Они

хотели, чтобы мне было больно... Им от этого становилось радостнее бегать, видимо. На здоровых ногах.

Я не заметила, каким образом на перилах балкона оказалась премилая куколка. Увидев ее, я оторопела. Она сидела на перилах – как сидят люди, согнув ноги. У нее были фиолетовые волосы, покрытые легкой сеточкой с блестками, и нарядное платье, белое с сиреневым узором на подоле, тоже с блестками. Размером она была немного больше Барби, только на спине – крылышки.

Сначала мне стало не по себе, даже страшно – в сказки я уже почти не верила, и появление этой куклы у меня на балконе восприняла подсознательно не как чудо, а с опаской, как чужое вторжение. Но куколка сидела мирно, улыбалась. Личико у нее было красивое и приветливое.

– Ты кто? – спросила я шепотом.

– Фея, – ответила она мне тоже шепотом.

Я не ожидала от куклы ответа и отпрянула.

– Не бойся, – шепнула она. – Я просто в гости. Ты не против?

Голос у нее был какой-то... Мультишный, что ли. Одновременно детский и хрипловатый, и еще будто она улыбалась, говоря со мной, хотя рот ее не двигался. Да и как он мог двигаться у куклы? Чего-чего, а уж кукол у меня имелось в изобилии... вместо подружек. И не было еще такого, чтобы кукла со мной говорила. Обычно за нее говорила я,

изображая диалог.

Тем не менее тогда я не очень удивилась. Дети, как я понимаю теперь, живут в мире, где сказка существует в симбиозе с действительностью. Они уже знают, что сказки – вымысел, но все равно немножко в них верят.

Я покачала головой, – мол, не против.

– А ты правда фея?

– Разве я не похожа?

– Я не знаю, как выглядят феи. В разных книжках их рисуют по-разному. Но мне кажется, у тебя должен быть остроконечный колпак. Со звездочкой на конце.

– Ты же сама сказала, что феи везде разные. Я фея без колпака, – она тихо засмеялась. – Зато у меня маленькие звездочки на вуали, видишь?

– А можно мне тебя взять в руки? Чтобы получше рассмотреть?

– Нет, в руки – нельзя. Давай я сяду к тебе на колени, а ты просто приблизиь глаза.

Фея вспорхнула и перелетела с перил на мои неподвижные колени, а я наклонилась к ней. У нее действительно были крошечные звездочки на сеточке, которую она называла вуалью.

– А как тебя зовут?

– Фея, так и зовут.

– А меня – Аня.

– Я знаю. Ведь я Фея.

– А волшебная палочка у тебя есть?

– Нет... – грустно сказала Фея.

– Жалко, – вздохнула я. – Если б была, ты смогла бы вылечить мои ноги.

– Может, мне удастся ее вернуть. И тогда я помогу тебе.

– А как? – у меня загорелись глаза. – Кто у тебя ее отобрал? Расскажи!

– Это длинная история, Аня...

– Все равно расскажи! Мне ведь торопиться некуда...

– Хорошо. Но не за один день. Я буду навещать тебя и понемножку рассказывать... Только с одним условием: родителям ни слова!

Я не удивилась: ведь Карлсон, который живет на крыше, тоже просил Малыша не говорить родителям. Они, видимо, все так делают.

Рассказы Феи оказались невероятно увлекательны и немного печальны. Она открыла мне мир Сиреновой долины, – так называла его Фея, – который был похож на людской. Там тоже ссорились, мирились, дружили и предавали, влюблялись и расставались... Там волшебную палочку выдавали в награду за добрые дела, а за проступки отнимали. Ничего не разрешалось сделать для себя с ее помощью, даже мороженое получить. Она предназначалась для серьезных вещей, и пользоваться ею ради собственной выгоды строжайше запрещалось! За всем следил главный Маг, и был он очень

строг...

Надо же, а я мечтала (как, наверное, все дети) заполучить ее как-нибудь, взмахнуть и попросить для «собственной выгоды»... Не мороженое, конечно, а чтобы ноги начали ходить.

Мир, который разворачивался передо мной в рассказах Феи, оказался ничуть не проще и не радужнее мира людей. Несмотря на то что у нее имелись не только ножки, но еще два крылышка и моторчик, который тихо жужжал, когда она летала, – она была тоже несчастна. Она рассказала мне историю, как коварная подружка выкрала у нее волшебную палочку и попросила себе много вкусных вещей и нарядных платьев, – а потом все свалила на мою Фею. Ее лишили палочки и наказали. Поэтому Фея не может мне пока помочь с ногами...

Это стало для меня потрясением. И, пожалуй (несмотря на долю разочарования), со знаком плюс: я стала чувствовать себя не такой уж обделенной, как раньше. Возможность ходить (и даже летать), поняла я, еще не гарантирует счастья. Иной раз, слушая рассказы о Сиреновой долине, я жалела свою маленькую подружку-фею больше, чем себя. И постепенно моя печаль, мое одиночество будто уменьшились в размерах, перестали быть исключительными...

На день рождения она подарила мне крохотный флакон из цветного стекла, невероятно красивый, с цветочным нектаром из Сиреновой долины. А я на ее день рождения, в июне,

сшила остроконечный колпак из плотной бумаги, покрасила его серебряной краской, прикрепила крохотную звездочку к концу, а снизу продела тонкую резинку, чтобы колпак держался на головке Феи. Ох, как она была рада! Она даже полетала немножко вокруг меня, расправив крылышки и жужжа моторчиком, а потом попросила зеркальце и долго любовалась собой, поворачивая головку вправо-влево...

Иногда Фея расспрашивала меня про болезнь. Я ей рассказывала все – у меня не было секретов от моей волшебной подружки. А однажды она попросила меня дать ей рентгеновский снимок моих ног. В Сиреновой долине есть свой врач-эльф, сказала Фея. Он посмотрит на снимок и что-нибудь дельное посоветует, потому что он очень-очень хороший врач!

Я проделала в снимке дырочку и прицепила его булавкой к поясу ее платья. Через три дня Фея его вернула, и я положила снимок на место. Родители ничего не заметили.

– Наш врач-эльф сказал, что твою болезнь можно вылечить, Аня. Проблема только в том, что ты не можешь попасть в Сиреновую долину. Надо найти здесь, в Москве, такого специалиста, который умеет лечить по-эльфийски...

– А как его найти? Надо маму с папой попросить, чтобы...

– Не надо, – строго перебила меня Фея. – Мы ведь договорились, что это секрет! Я сама поищу такого.

Она прилетала ко мне всю весну и все лето. А в начале

осени родители объявили, что мы едем к врачу. Очень хорошему врачу, который, наверное, сможет мне помочь. Фея очень обрадовалась за меня.

– Расскажи ему все, что рассказывала мне. Это очень важно, ничего не упусти!

– Это ты помогла, да? Ты его нашла?

Фея молчала.

– Ну признайся!

– Ну, я немножко поколдовала... – смущенно произнесла она.

– Тебе вернули волшебную палочку?!

– Нет еще... Просто мы все, обитатели Сиреновой долины, можем немножко колдовать даже без нее. Ну, чуть-чуть.

– Как жалко, что с тобой нельзя обняться... – Я поцеловала свой мизинчик и приложила его к щечке Феи. – Мама говорит, что мне предстоит операция...

– Ты боишься?

Я помотала головой. Я действительно не боялась, я хотела, чтобы мои ноги начали ходить. Я бы все отдала за это, даже боль вытерпела бы.

– Завтра перед поездкой в больницу открой бутылочку с нектаром и выпей его.

Я так и сделала следующим утром. Настроение у меня стало совсем хорошим, и в больницу я приехала с чувством абсолютной уверенности, что выйду из нее на своих ногах.

В клинике я провела неделю. Вышла я не на своих ногах, но они уже стали двигаться! Мне предстоял долгий путь восстановления атрофированных мышц и чего-то там еще, но врач обещал, что все у меня получится!

Я так ждала встречи с Феей, так хотела поделиться с ней своей радостью... Но она больше не прилетала ко мне. Первое время я ее ждала постоянно, но она все не появлялась. А вскоре меня захватила новая жизнь. Я смогла гулять, потом ездить на велосипеде и плавать. У меня появились друзья. И потихоньку мои разговоры с Феей стали казаться мне плодом моего одинокого воображения...

...И вот в день совершеннолетия, за праздничным столом, воспоминания нахлынули на меня. Перебрав в памяти все детали и подробности, я вдруг отчетливо поняла: нет, это не фантазии несчастной больной девочки! Куколка была, она реально существовала!

И я рассказала о Фее родителям.

Они моему рассказу не поверили. А чего я ждала, собственно? Я бы и сама на их месте не поверила... Я почти жалела сейчас, что сдержала слово, данное Фее, и не рассказала о ней родителям тогда, в одиннадцать лет. И не показала. Если б они увидели ее хоть разочек, то сейчас я бы не выглядела дурочкой, запутавшейся в детских фантазиях.

С другой стороны, родители бы разволновались, – ведь они в сказки уже давно не верят, – и все бы испортили. Мо-

жет, даже разобрали бы куколку, чтобы посмотреть, что там у нее внутри... Меня всю передернуло от этой мысли. Фея не зря велела держать все в секрете...

Но она была, была! И я должна понять, откуда она взялась. И сказать кому-то огромное-преогромное спасибо.

И я принялась размышлять.

Итак, куколка прилетела ко мне на балкон. Не сама, конечно, – ее кто-то отправил ко мне по воздуху. Иными словами, она была радиоуправляемая. То есть кто-то ею управлял.

Этот кто-то знал обо мне... О девочке-инвалиде, гулявшей на балконе и плакавшей, глядя сквозь прутья решетки вниз, во двор, на здоровых детей... Дразнивших ее.

Кто-то эту девочку пожалел. Но не просто вздохнул: бедный ребенок! – а решил помочь. Развлечь, отвлечь, скрасить жизнь с помощью говорящей куклы и чудесных сказок. Говорил со мной, конечно, тот человек, который ее сделал. По мультяшному голосу (измененному с помощью специальной программы, я знаю, такие существуют!) невозможно определить, мужчина это или женщина, но одно ясно: это взрослый. Подростки слишком заняты собой. Да и непросто летающую куклу сконструировать, для этого нужны технические знания... Так что взрослый и, скорее всего, мужчина.

Точно, мужчина! И дело не только в технической стороне. Женщина сделала бы для Феи (точнее, для меня, для де-

вочки) платье с оборочками-рюшечками, крылышками-воланчиками. Да и расцветку выбрала бы поярче. Фиолетовые волосы и белое с сиреневым платье выглядели строго, сухо-вато.

Так, вот уже кое-что. Далее: он живет поблизости. Иначе как бы он обо мне узнал? Он видел меня. Причем часто. Откуда следует...

Ой, это же так просто! Его окно выходит на наш балкон! То есть он живет... или жил тогда в одном из двух домов напротив. Вот только в каком именно?

Я обежала глазами окна. Их так много... И у меня нет ни одной идеи, как вычислить среди них того, кто помог мне!

Помог. Лишь сейчас я поняла, как сильно помог. Он изменил мой мир, он внес в него краски и эмоции, которых мне так не хватало. Он сделал меня сильнее. Научил жалеть других больше, чем себя... А ведь только так люди обретают силу. Об этом говорят все мудрецы, я знаю, я читала.

Боже, я должна его найти, должна поблагодарить! Но как?!

Я чувствовала, как горят мои щеки от волнения. Мне хотелось действия, но я не знала, как действовать. Не обходить же все квартиры домов напротив. «Здрасте, я ищу того, кто смастерил для меня Фею»? Так я, пожалуй, окажусь в психушке раньше, чем закончу обход...

Поход с подружками в дискотеку я отменила, хотя там

предполагалась вторая часть моего великого праздника, моего совершеннолетия. Однако все мои мысли теперь были заняты Феей – не до танцев.

Бесплодно промаявшись до ночи, я легла спать, однако сон не шел. Я чувствовала, что сама не продвинулась дальше, что мне нужна чья-то помощь, подсказка. Но кого об этом попросить? Родители мне не поверили, друзья – те и вовсе засмеют.

Только под утро я задремала, и приснилось мне, что я листаю толстый том с пожелтевшими страницами... Я проснулась, села на кровати рывком. Оглядела свою комнату... Желтые страницы! Справочник!

Я схватила его, с трудом удерживая двумя руками. Но что в нем искать?

Я листала его до тех пор, пока не наткнулась на раздел «Частные детективные агентства». И тогда поняла, в чем состояла подсказка: нужно просить помощи у частного детектива!

Первым в списке стояло детективное агентство «АКИС».

Мне ответил мужской голос. И я вдруг растерялась: как об этом рассказать?

– У меня... Однажды у меня приключилась такая история... Даже не знаю, как сказать, – невразумительно бормотала я.

– Да просто скажите, как было. А еще лучше приезжайте

ко мне в офис, на месте разберемся, – ответил мне мужчина.

– Мне только совет нужен... Даже советик, совсем маленький...

Собравшись с духом, я наконец рассказала ему про Фею, уместив в несколько предложений историю длиной в пять месяцев.

– Давайте я к вам подъеду, Аня. Сориентируюсь на местности. Меня, кстати, зовут Алексей Андреевич. Диктуйте адрес.

– Боюсь, что родители меня не поймут... Хотя знаете что? Я прогуляю сегодня институт. Приезжайте прямо сейчас, можете? Они уже ушли на работу.

Детектив приехал ко мне через час. Симпатичный такой мужик, по возрасту как мой папа или чуть старше. И глаза добрые, как у папы.

Он вышел на балкон, осмотрелся. Затем попросил меня подробнее рассказать о том, какие движения могла совершать Фея.

– Только летать и сидеть. Руками она не двигала, насколько я помню. А, еще она головку умела поворачивать! Как-то я ей колпачок подарила, я его сама смастерила из картона, – и она смотрелась в зеркальце...

– В комнату она никогда не залетала?

Я покачала головой.

– Я ее приглашала, но она отказалась. Не знаю почему.

– Там радиосвязь могла нарушиться, вот почему. А сидела она всегда на перилах?

– Нет, она в первый же день пересела ко мне на колени, и я была этому рада: не хотела, чтобы дети со двора увидели ее на перилах. Они были вредные, – усмехнулась я, вспомнив, как пытались ухаживать за мной те мальчишки, когда я уже научилась гонять на велосипеде.

– Так-так... Ну что ж, Аня, давай рассуждать дальше. Ты, кстати, молодец, правильные выводы сделала.

– Да, но дальше никак не получается...

– Сейчас вместе будем думать. Итак, ты живешь на восьмом этаже. Напротив твоего дома две двенадцатиэтажные башни. Человек, который наблюдал за тобой, должен жить выше, – иначе бы он не смог приземлить куклу тебе на колени или обвести ее вокруг тебя «на радостях» от твоего подарка. У него должен был быть хороший обзор.

– Как на сцене!

– Вот-вот. Значит, отсчет начинаем с девятых этажей двух башен. Хотя нет, погоди... Они располагаются немного ниже твоего дома, мне не показалось?

– Не показалось! Эти дома действительно стоят чуть пониже! Тогда начинаем с десятых этажей?

– Думаю, стоит рассматривать одиннадцатые-двенадцатые. Теперь решаем следующую задачку: радиоуправляемые игрушки не работают на расстоянии больше ста метров. Не знаю, какова была дальность управления семь лет назад, воз-

можно меньше... Но дома стоят не рядом, один метров на двадцать дальше другого.

– Здорово! Значит, остается только вот эта башня, которая поближе? – я указала рукой.

– Думаю, она, – кивнул Алексей Андреевич. – До нее метров семьдесят, а то и меньше, так что подходит.

– На этаже восемь квартир, на двух – шестнадцать. Ура! Шестнадцать – это не так страшно, их можно обойти за пару дней... Спасибо вам!!! Огромное!!! Сколько с меня?

Детектив качнул головой и направился к выходу.

– Удачи, Аня! – крикнул он, закрывая за собой дверь.

А я кинулась в башню напротив.

...Я сразу узнала его. По выражению глаз: в них было столько радости, сумасшедшей радости видеть меня!

И любви.

Я стояла на пороге, не в силах вымолвить ни слова, а он сидел и смотрел на меня снизу вверх, держа сильные руки на колесах инвалидного кресла.

– Простите... – промямлила я наконец. – Я оши... Я не в ту квартиру попала, извините, – проговорила я и, быстро повернувшись, нажала на кнопку лифта. Кабина все еще стояла на последнем этаже, двери сразу раскрылись. Я ступила в лифт с бьющимся сердцем, щеки мои пылали, – я чувствовала: он замер на пороге своей квартиры, надеясь, что я вернусь...

Но я не вернулась.

Я осуждала себя за трусость, но этот молодой парень, он... Он влюблен в меня все эти годы, тут к гадалке не ходи: все сказали его глаза. А что я могу ему дать взамен? Я ведь пришла просто сказать спасибо, – оправдывалась я перед собой, – а он надеялся, что я разыскала его для... Не знаю, но влюбленный человек ждет любви в ответ. А я...

Я не могу. Я не могу ему помочь, как когда-то помог мне он. Я больше не хочу инвалидного кресла!!!

Это было ужасно. Я чувствовала себя виноватой. Я ведь даже не сказала ему спасибо... И не спросила насчет денег... Два дня назад я была уверена, что Фея и мое чудесное исцеление связаны между собой, что деньги в нашем ящике оставил тот же человек, который смастерил для меня куколку. И за это следует сказать хотя бы огромное-огромное спасибо.

Но теперь я засомневалась: разве жил бы богатый человек в старой двенадцатитажной башне?

Секрет остался неразгаданным. А я – неблагодарной эгоисткой.

Я плакала всю ночь. Но так и не вернулась в ту квартиру.

* * *

И вот сегодня мне двадцать пять. Со дня моего совершен-

нолетия прошло семь лет, в которые я перестала выходить на наш балкон. Я знала: он ждет меня. Он годами смотрел на меня, жил мною... Как когда-то я сама жила сказками Феи – его сказками. Мне было стыдно, я чувствовала себя почти преступницей, но ничего не могла с собой поделать. Этот парень любит меня, и ему нужно больше, чем мое спасибо. Только мне нечего ему дать...

За эти годы я чуть не вышла замуж – только для того, чтобы переехать в другое место, чтобы избавиться от невидимого взгляда, любящего и печального... Тогда в его глазах была радость, но я знаю: я эту радость убила. И теперь его глаза наверняка полны печали...

Нет, я не сделала такой ошибки – замуж ради переезда. Я ждала свою любовь. И дождалась. Скоро мы с Сережей поженимся и будем счастливы. И я перееду в квартиру, которую мы уже присмотрели. А тот парень в инвалидном кресле... О господи, как же тяжело!

Я посмотрела на себя в зеркало. Мое отражение показалось мне ужасным. Воспаленные глаза, бледность... Так и должны выглядеть люди с нечистой совестью.

Я бросила пудру, сорвала тюрбан-полотенце с головы, наспех причесалась, оделась и выскочила из дома.

Знакомый подъезд, последний этаж, кнопка звонка. Я набрала побольше воздуха в легкие. Я обязана хотя бы сказать этому человеку спасибо, обязана!

Дверь мне открыла красивая пожилая женщина. Глаза у нее были немного грустные. Она посмотрела на меня и отступила молча, предлагая мне войти.

– Здравствуйте, я хотела...

– Заходи, Аня.

– Вы знаете, как меня зовут?

Женщина не ответила, жестом пригласив меня в большую комнату. Парня в инвалидном кресле не было видно. Может, он спрятался в соседней комнате? Чтобы не встречаться со мной?

– Долго же ты шла к нам... – покачала головой женщина.

И вдруг я подумала, что он умер!

Слезы выступили у меня на глазах.

– Простите меня... – всхлипнула я. – Я просто не посмела... Духу не хватило...

Женщина лишь вздохнула.

– Вы его мама, да?

– Надежда Сергеевна, – кивнула она.

– А он... Он... где?

– Виктором его зовут. Подожди пару минут. Если бы я знала, что ты придешь сегодня, я бы ее приготовила...

Я не отважилась спросить, о чем речь.

Она вернулась минуты через три, держа в руках что-то прямоугольное, как коробка конфет, завернутое в бумагу. На мой вопросительный взгляд она сухо кивнула:

– Разворачивай.

Это была книга. На английском языке.

– Если ты не читаешь по-анг...

– Читаю. Я иняз окончила.

«СКАЗКИ СИРЕНЕВОЙ ДОЛИНЫ» называлась она. Автор – Виктор Матвеев. С фотографии смотрел на меня он, тот самый парень, с грустными и ласковыми глазами.

Я открыла книгу. На титульном листе от руки написано размашистым почерком: «Аня, будь счастлива!»

Дальше шло предисловие издателя. «Однажды Виктор увидел на балконе дома напротив маленькую девочку в инвалидном кресле...»

Я снова набрала побольше воздуха в легкие, чтобы не плакать.

«...И тогда он решил смастерить для нее летающую куклу, которую он назвал Феей...» Рядом с этим текстом я увидела фотографию своей чудесной подруги.

«...Он стал сочинять для девочки сказки, которые и легли в основу этой замечательной книги...»

Я с трудом удерживала слезы. Принялась листать книгу дальше, чтобы не читать слова, которые вызывали во мне столько воспоминаний и столько неожиданной боли. На второй странице предисловия мелькнула фотография колпачка, который я смастерила для Феи...

А на третьей – фотография с подписью: «Знаменитый ска-

зочник с женой и детьми». Красивая женщина, двое хороших пупсиков-близняшек... Виктор стоял рядом с ними. Стоял!

– Он вылечился?! – обрадовалась я.

И подумала, что на месте этой женщины могла быть я. Если б в тот день я не сбежала...

– Можно и так сказать. У него бионические протезы. Это, если ты не знаешь...

– Знаю.

«...Книга Виктора Матвеева переведена на двадцать два языка...»

Я перевернула страницу. «Моей маленькой Фее» – стояло перед текстом посвящение.

– Фее?..

– Тебе. Ты была для Вити если не феей, то уж музой точно.

– Значит, он уехал в Америку? – всхлипнула я. – Книга издана там...

– Его отец, мой бывший муж, был богат. Но скуп. Однажды он все-таки дал значительную сумму на лечение Вити, однако мой сын предпочел подарить эти деньги тебе... – ровным голосом говорила его мать. Но нейтральная ее интонация не обманула меня: она не простила мне малодушия.

– Родители мне тогда ничего не сказали... Я потом сообщила, несколько лет спустя...

– Да. И пришла к нам... Наверное, поблагодарить собиралась, – холодно произнесла Надежда Сергеевна.

«Но сбежала». Этого она не сказала, но фраза будто повисла в воздухе.

– Витя считал, что вылечить его смогут только за границей, где уже начали работать с бионикой, – продолжала Надежда Сергеевна, – но отцовские деньги не покрывали поездку, операцию и протезы. А для тебя эта сумма была достаточной. Он все знал о тебе и изучал возможности твоего излечения... Если это может тебя утешить, я не держу на тебя зла. А уж Виктор – тем более. Ты очень скрасила ему несколько лет. Сначала он заботился о тебе, сочиняя сказки, а потом жил твоим счастьем. «Мама, смотри, Аня ходит!» – кричал он мне, когда впервые увидел тебя на улице...

Я плакала, уже не таясь.

– Не стоит реветь. Ты помогла Вите даже своим побегом. Он несколько лет жил тобой и, конечно, полюбил тебя. Думаю, ты догадалась об этом, потому и сбежала, – продолжала мать все тем же ровным холодным голосом. – Но в том же году умер Витин отец. Сын унаследовал очень большую сумму и решил уехать. Подальше от тебя... Шучу. Он решил вылечиться. И поскольку Витя отлично владел английским, то решил ехать в Штаты. А там, как видишь, жизнь его сложилась наилучшим образом. И всего этого с ним не случилось бы, если б не ты. Убегая от тебя, он рвался вперед. Написал книгу сказок, женился, разбогател... Я не имею в виду наследство, что он сам деньги заработал, гонорары. Так что я тебя простила. А Виктор – он никогда на тебя и не сердил-

ся. Он тебя понимал. Говорил, что ты не можешь вернуться к инвалидному креслу... Его креслу. Ты тоже убегала от него, рвалась вперед. Надеюсь, что и твоя жизнь сложилась удачно.

Она умолкла. И я не нашла, что сказать.

– Теперь ты знаешь все, Аня. Прощай.

И она распахнула передо мной дверь.

Татьяна Полякова

«А снег идет...»

Последний билет остался, будете брать? – Кассир, дородная дама за пятьдесят, смотрела на меня хмуро, народ нетерпеливо напирал сзади, и я со вздохом кивнула:

– Буду. – Протянула деньги, получила билет и стала выбираться из толпы, осаждавшей кассу. Кто-то толкнул меня под локоть, и я сквозь зубы чертыхнулась.

На вокзале – предпраздничная суета, до Нового года оставалось совсем ничего, народ торопился к родным и близким. Лица у всех веселые, кто-то уже начал праздновать, мое унылое состояние в общее счастливое нетерпение явно не вписывалось. Повода радоваться я не видела: последние два месяца жизнь шла ни шатко ни валко, но в основном наперекосяк.

Началось все полгода назад, когда в фирме, где я работала, появился новый начальник отдела – Олег Бурцев. Прежний начальник пошел на повышение, и мы поначалу порадовались переменам: Бурцев – молодой, энергичный, дело свое знал, подчиненных в обиду не давал и у руководства был на хорошем счету. Ко всему прочему, оказался компанейским парнем. И неженатым. Последнее обстоятельство было немаловажно – в отделе у нас в основном женщины и

почти все незамужние. Тут же пошли хитрые перемигивания и смешочки, девчонки наперебой обсуждали, кто Бурцева первой окрутит, и даже делали ставки. Мне же не было дела до того, кого он выберет. Личный интерес к шефу отсутствовал, потому что я уже два года была замужем и брак свой считала счастливым. Тогда. Теперь мое счастье заметно пошатнулось, и виноват в этом все тот же Бурцев.

С первых дней он оказывал мне знаки внимания, но за рамки приличий они не выходили, и я не беспокоилась. А вот моему мужу Бурцев не понравился сразу. У Юльки, моей подружки и коллеги, как раз случился день рождения, и пригласила весь отдел. Шефа, конечно, тоже. Так как большинство девчонок у нас не замужем, к Юльке я отправилась одна. Саша заехал за мной около десяти, как мы и договаривались, из квартиры подружки мы вышли вместе с Бурцевым. Узнав, что я ухожу, он тоже домой засобирался. Саша ждал меня возле машины.

– Тебя подвезти? – спросила я Олега из вежливости.

– Спасибо. Прогуляюсь немного.

Олег шел рядом, с любопытством поглядывая на моего мужа. Мы поравнялись с Сашей, и мне ничего не оставалось, как сказать:

– Знакомьтесь.

Мужчины обменялись рукопожатием, Олег едва заметно усмехнулся, кивнул на прощание, а потом меня поцеловал, то есть прижался щекой к моей щеке и победно удалился.

В общем-то, не было в этом дружеском поцелуе ничего особенного. Дело не в том, что шеф меня поцеловал, а как он это сделал. Хотя в тот момент я склонна была считать, что все находится в пределах дозволенного. Само собой, Саша решил иначе.

– Этот тип – твое новое начальство? – хмуро поинтересовался он, садясь в машину.

– Ага.

– У вас принято целоваться с подчиненными?

– Вообще-то нет. Шеф малость перебрал на вечеринке... – я попыталась обратить все в шутку, и в тот раз мне это вроде бы удалось.

А потом начались командировки. Конечно, они случались и раньше, но тогда моим шефом был Сергей Иванович, дядя солидного возраста и комплекции, который отправлялся в служебные поездки с единственной целью – попойнствовать в одиночку вдали от семейства. Семейство было колоритным: трое детей, супруга в центнер весом и теща Роза Леонидовна, которую шеф смертельно боялся. Весь отдел ему от души сочувствовал, и каждый прикрывал как мог, оттого о пагубном пристрастии шефа к алкоголю никто из высокого начальства не догадывался. Теперь мои командировки вызывали у мужа жесточайшее неприятие, и с каждым разом все труднее было избавить его от мрачных дум. Мало того, в отделе очень скоро обратили внимание, что шеф предпочитает отправляться в поездки со мной, и начались пересуды.

В общем, на работе – шепоток за спиной, а дома – хмурое лицо мужа.

Месяц назад он прямо заявил:

– Уходи с работы.

– Я не намерена потакать твоим капризам, – обиделась я.

– Капризам? Твой шеф – сукин сын, и пусть то, что он руки не распускает, тебя не обманывает. Если ты не уволишься, все закончится печально, для меня-то уж точно. А работать ты можешь в моей фирме.

– Придумаешь мне должность, бесполезную, но хорошо оплачиваемую? Только чтобы я тебе с утра до вечера глаза мозолила?

– И что в этом плохого? Совсем бесполезной твоя должность не будет, ты у меня умная девочка, все на лету схватываешь...

– Саша, – сурово сказала я, – мне нравится моя работа, и я не хочу ее терять. А твои беспочвенные подозрения просто унизительны.

– Беспочвенные? – хмыкнул муж. – Ну-ну...

Три дня назад, возвращаясь домой с работы, я ломала голову, как сообщить мужу, что опять уезжаю. Он встретил меня в прихожей, чмокнул в нос, взял за руку и потащил в гостиную. Прямо посередине просторной комнаты стояла красавица-елка со звездой под самый потолок.

– Как тебе? – спросил Саша.

– Здорово!

– Это не все. Тебя ждет царский ужин.

– Сам готовил? – с сомнением спросила я.

– Честно? Доставили из ресторана. Но можно сделать вид, что готовил сам, – он уже тянул меня в кухню, продолжая болтать. – Звонил родителям. Тридцатого отправимся к моим, тридцать первого утром вернемся, твоих поздравим, а потом... Встретим Новый год вдвоем! Как тебе идея?

– Отличная. Только к твоим съездить не получится. Саша, я завтра уезжаю, – скороговоркой выпалила я. – Вернусь тридцать первого. Самолет прилетит в 18.30. Я как раз успею приготовить... – еще не договорив, я уже поняла, что лучше бы мне сквозь землю провалиться.

Саша сложил руки на груди и спросил насмешливо:

– Кроме тебя, конечно, лететь некому?

– Ты же понимаешь...

– Понимаю, – кивнул он. – Как говорится, счастливых праздников...

Вспоминать о том вечере до сих пор тяжело. Особенно сейчас, когда вдруг выяснилось, что Сашка был прав, а я дура безмозглая. Это открытие я сделала сегодня. Правда, смутно догадываться начала чуть раньше. Прежде всего командировка оказалась совершенно бесполезной. Народ уже вовсю праздновал, и наш визит был для немногочисленных еще в меру трезвых сотрудников тяжким бременем. Нас вежливо гоняли из одного кабинета в другой, и конца этому не предвиделось.

Утром мы все-таки смогли подписать необходимые бумаги, и то потому, что местное начальство спешило по домам, страдая после отгремевшего накануне корпоратива. Нас, кстати, на него тоже пригласили. Я, конечно, отказалась, а вслед за мной и Олег. Вечером, в гостинице, он позвонил мне в номер.

– Может, посидим в ресторане? Все-таки праздники.

– Мне отчет писать.

– Ерунда.

Через пять минут он стучал в мою дверь, но открывать я не стала, решив не обременять себя лишними объяснениями. Он еще несколько раз звонил и барабанил в дверь, я стойко притворялась глухой.

Утром он выглядел недовольным, но помалкивал. Закончив с делами, мы вернулись в гостиницу.

– Самое время пообедать, – сказал он.

– Надо вещи собрать, – вежливо напомнила я. – В двенадцать мы должны освободить комнаты.

– Успеем, – усмехнулся он, и его усмешка мне не понравилась, но в ресторан я все-таки отправилась. – Шампанское? За благополучное окончание всех дел? – предложил Олег, устроившись за столиком.

– Шампанское оставим на вечер.

– Какая ты несговорчивая! – покачал головой он. – Что это ты вздумала от меня прятаться?

– Я не пряталась, отчет писала. Работа требует сосредото-

ченности.

– Как у тебя с мужем, не очень? – вдруг спросил он.

– С чего ты взял?

– С того, что вы совершенно не подходите друг другу.

– Ценное наблюдение... Учитывая, что виделись вы от силы раза три.

– Брось, ты просто боишься признать очевидное. Он тебе не нужен.

– Давай сменим тему, – спокойно предложила я. – Есть риск наговорить друг другу гадостей. А ты все-таки мой начальник.

– Начальник и ничего больше?

– Ты что, спятил под Новый год?! – не выдержала я.

– Я спятил гораздо раньше, как только тебя увидел.

– Ясно, – кивнула я. – Будь добр, дай мне билет на самолет. Оставшееся время каждый из нас найдет себе занятие по вкусу. Я думаю пройтись по магазинам, куплю подарки... – я старалась говорить спокойно, напомнив себе, что мне еще предстоит работать с этим человеком.

– Пожалуйста, – усмехнулся он, достал из кармана пиджака билет и протянул мне. – Рейс в 16.00, второго января. Номер люкс оплачен. А за подарками мы ходим вместе. Хотя для тебя подарок я уже подготовил.

Не слушая его, я схватила билет. Так и есть, второе января!

– Это что, новогодняя шутка? – спросила я, взглянув ис-

подлюбя.

– Вовсе нет. Попробуй увидеть ситуацию моими глазами. Я уже давно в тебя влюблен, а ты в меня, хоть и боишься в этом признаться. Мы встречаем праздник вместе, вдали от дома, по-моему, очень романтично.

– Ты самодовольный сукин сын! Даже если бы дома меня не ждал муж, я послала бы тебя... сам знаешь куда! А твоя выходка с билетами – просто гнусность!

– Когда ты немного успокоишься... – начал он, но я уже стремительно удалялась с единственной мыслью: побыстрее оказаться в аэропорту.

А дальше пошло сплошное невезенье, хотя и до этого им не пахло. Билетов на самолет не оказалось. Не было их и на единственный проходящий через мой город поезд. С автобусами то же самое. Я припустилась к такси, но цену водители заломили такую, что идею пришлось оставить. Единственный шанс оказаться сегодня дома – отправиться на автобусе, который следовал в мой город, делая крюк в добрых сто километров. На него я и купила последний билет. Выйдя из вокзала, я позвонила мужу.

– Саша, я приеду на автобусе, он идет через Голованово, и дома я буду только в 22.30.

– А что с самолетом? Керосин кончился?

– Я тебе все объясню. Встретишь меня? Продукты прихватим по дороге, что-нибудь приготовить я успею.

– Разумеется, дорогая. С наступающим.

«Нашел время язвить», – досадливо подумала я.

До отправления автобуса был еще целый час, ждать в переполненном вокзале не хотелось. И я побрела в буфет выпить кофе. Замерла у витрины, выбирая пирожное, потянулась за кошельком... но в сумке его не оказалось. Куда же он делся-то? Я проверила карманы пальто, билет, ключи... Кошелек нет. Перетрясла всю сумку, уже догадываясь, что произошло. Расплатившись в кассе, я сунула его в боковое отделение, молнию не застегнула. Ну надо же! Свистнули кошелек под Новый год, только этого мне и не хватало! В тщетной надежде я еще раз проверила сумку, а потом стала звонить в банк, чтобы заблокировать карточку. Денег в кошельке было немного, но все равно ужасно обидно. Хорошо хоть билет успела купить.

Я вышла на платформу, плюхнулась на лавку и опять набрала мужа.

– Саша, у меня кошелек украли, – пожаловалась я.

– И поэтому ты не сможешь вернуться сегодня?

– Билет у меня в кармане. Просто ужасно обидно.

– Хочешь, я за тобой приеду? – помолчав, спросил муж.

– Автобус через час, а тебе добираться сюда гораздо дольше. Лучше встретить меня.

– Конечно, встречу. Кошелек – это ерунда.

– Ага. Я тебя люблю.

– И я тебя, – сказал он. – Постарайся больше ничего не терять.

Я улыбнулась, все еще держа телефон в руке. Кошелек и правда ерунда.

– Тетя, – услышала я, рядом топтался мальчишка лет двенадцати, веснушчатый, в шапке, надвинутой на одно ухо. – Тетя, я на вокзале потерялся, дайте, пожалуйста, мобильный, маме позвонить.

– Конечно возьми, – протянула я телефон. – Номер помнишь?

– Помню.

Мальчишка вдруг дал стрекача и через мгновение скрылся за углом, а вместе с ним – мой новенький, жутко дорогой мобильный – подарок мужа.

– Стой! – заорала я и припустилась следом, с дорожной сумкой в одной руке и с дамской в другой, на высоченных каблуках... В общем, шансов у меня не было. Когда я достигла угла здания, за которым скрылся юный воришка, след его успел раствориться. – Да что за день! – ахнула я.

Собралась реветь от обиды, но вместо этого отправилась в отделение милиции, уже догадываясь о бесперспективности своей затеи. Так и оказалось. Зато время до отправления автобуса пролетело незаметно. Напутствуемая словами дежурного «Надо быть посерьезней», я побрела к автобусу. Устроилась возле окна и закрыла глаза. Было бы здорово уснуть, чтобы дорога не казалась долгой. Три часа до Голованово, потом еще час – и я увижу Сашу...

Автобус остановился возле одноэтажного здания с надпи-

сю «Автовокзал». Народ, доставая с полок сумки, тянулся к выходу. Судя по всему, большинство пассажиров выходило здесь.

– Стоянка десять минут! – громко сказал водитель. – Просьба не опаздывать, все хотят поскорее попасть за праздничный стол.

Я сунула дорожную сумку под сиденье и пошла к выходу. Здание вокзала выглядело непривычно пустынным, но возле единственной кабинки туалета образовалась очередь. Я, конечно, оказалась последней.

– Там еще туалет есть, – сказала уборщица, проходя мимо. – В самом конце коридора.

Я заспешила в указанном направлении. В коридоре – с десятков дверей, и все без табличек. Толкнув последнюю, я вошла и с недоумением огляделась. Назначение комнаты осталось загадкой, но это точно был не туалет. Подслеповатая лампочка под потолком освещала грудку коробок в углу, колченогий стол и два стула с порванными сиденьями. Тут дверь за моей спиной захлопнулась, а когда я попыталась ее открыть, оказалось, что это совсем не просто. Вертела ручку и так, и эдак, но дверь не открывалась.

Битва с дверью продолжалась минут пять, после чего, поняв всю тщетность своих усилий, я начала колотить по ней ладонью, сначала вполне интеллигентно, а потом изо всех сил. Вскоре на смену недоумению и злости пришло отчаяние. Меня что, никто не слышит? Господи, что же это такое!

Как это может ни с того ни с сего заклинить дверь?!

– Выпустите меня отсюда! – заорала я. И вновь принялась колотить в дверь, на этот раз ногой.

– Что случилось? – наконец, услышала я женский голос.

– Я не могу выйти! Откройте, пожалуйста!

– А как вы туда попали?

– Я думала, здесь туалет.

– Туалет напротив.

– Выпустите меня, у меня автобус!!!

С той стороны дверь отчаянно дергали, но толку от этого не было.

– Потерпите, сейчас кого-нибудь найду...

Шаги за дверью, тишина и вновь шаги.

– Не знаю, что и делать, – сообщила женщина. – Как вас угораздило...

– Есть у вас слесарь? Кто-нибудь из мужчин?

– Все разошлись уже. Праздник.

– Позовите водителя автобуса.

– Так автобус давно уехал.

– Как уехал? – я с трудом удержалась на ногах, а дверь, точно по волшебству, вдруг открылась.

– Давно замок надо менять, – проворчала уборщица. – Крутишь, крутишь...

Я бросилась к выходу. Ни автобуса, ни людей... Вообще ни души. Вернувшись в здание, я нашла уборщицу, она домывала пол в туалете.

– Простите, позвонить от вас можно?

– Вы же видите, нет никого. Все кабинеты заперты.

– А дежурный? Должен быть дежурный...

– Так ведь праздник, – пожала плечами женщина.

– Вы не могли бы дать мне свой мобильный? Дело в том, что...

– Почто мне мобильный? – удивилась она. – До утра автобусов уже не будет, все разошлись, и ты бы, милая, тоже шла...

«Саша мне ни за что не поверит, – бредя по улице, думала я. – Да и кто бы поверил? Совершенная нелепость... Сначала этот Бурцев, потом кошелек, воришка на вокзале, а теперь еще и замок, который таинственным образом не пожелал открыться... Без денег, без мобильного, одна в чужом городе... Как я теперь до дома доберусь?..» Но даже не перспектива остаться на улице пугала меня. Я думала о Саше. Он будет ждать меня, начнет звонить, беспокоиться... Мобильный молчит, меня нет... Отличный праздник! Говорят, как его встретишь, так проведешь весь год. Он в одном городе, я в другом... Как назло, на улице – ни души... Ничего удивительного, все уже за праздничным столом. Ладно, в конце концов, народ появится, кто-нибудь даст мобильный, позвоню Саше...

Так я бродила возле вокзала, перебирая возможные варианты своего спасения, и все казались мне глупыми... Саша за семьдесят километров отсюда, а Новый год – вот он, совсем

рядом... Прямо напротив вокзала был парк, туда я и отправилась. Шла по недавно расчищенной дорожке в странной апатии. Снег повалил хлопьями, белый, пушистый, старые фонари тихо покачивались. На дорожке – причудливый узор из теней и света.

– Как красиво! – прошептала я. На душе вдруг стало спокойно и тихо, я стояла под фонарем и улыбалась.

И тут заметила одинокого прохожего. Он приближался, и сердце екнуло в груди, потому что эту походку я узнала бы из тысячи...

– Саша! – закричала я и, размахивая руками, побежала к нему. А он ко мне. И через мгновение мы уже кувыркались в сугробе, радостно хохоча. – Ты меня нашел!.. Ты меня нашел... – шептала я.

Саша поднялся и помог встать мне, снял перчатку и принялся стряхивать снег с моего пальто.

– Как ты здесь оказался? – спросила я.

– Приехал на машине, естественно. Звонил тебе несколько раз, беспокоился, конечно. А потом вдруг понял, что должен ехать сюда. По дороге автобус встретил, тебя в нем не оказалось, зато сумку твою нашли. Водитель только руками разводил... Вокзал закрыт, зато парк напротив, вот я и решил, что ты непременно будешь здесь.

– Почему непременно?

– Потому что два года назад, балда, в этот день я сделал тебе предложение! – засмеялся Саша. – И было это в парке,

шел снег, и я ждал тебя под фонарем в конце аллеи...

– Конечно! А я-то думаю – что это меня вдруг в парк потянуло? Сашка, я тебя люблю! И с работы я, считай, уже уволилась. Сейчас все тебе расскажу. Слушай, а мы до Нового года успеем домой добраться?

– У меня в машине – бутылка шампанского. И гостиница здесь наверняка найдется. Какая разница, где встречать Новый год? Лишь бы вдвоем.

– Да, – счастливо улыбнулась я. – Лишь бы вдвоем.

Анна и Сергей Литвиновы

Готова на все. Любовь не предлагать

Погибать лучше поздней осенью – если за окном беспроблемный дождь, не так обидно. Но катастрофа у Лены случилась летом, когда офисный люд перебирается на бизнес-ланчи в уличные кафе и дружно обсуждает грядущие отпуска. А у нее жизнь кончена. Не в прямом смысле, не физически – но если погибает дело всей твоей жизни, еще тяжелее. А противно-вежливые банкиры сказали ясней некуда: все отсрочки исчерпаны, она – банкрот.

... Лена работала в риелторском бизнесе. Когда-то, очень давно, сама бегала агентом, толкалась по поручению старших товарищей в бесконечных очередях ЖЭКов и БТИ. Но всегда грела мысль: подчиненное положение не навсегда. И когда-нибудь, пусть лет через десять, она обязательно откроет собственную фирму.

Так и случилось. С единственной поправкой: просуществовало ее агентство недвижимости всего год. А теперь она разорена.

И все из-за единственной несчастливой квартиры! Чего стоило просто поручить эту коммуналку кому-нибудь из сотрудников! Но Лена отправилась лично: осмотреть жилье и

оценить перспективы. И – пропала. Едва вошла в неухоженный, старый двор, взгляд сразу выхватил строгие линии бывшего доходного дома, сень старых лип и фонтан – подумать только, настоящий, пусть и обшарпанный, фонтан посередине детской площадки!

С первого взгляда влюбилась: в здание, обветшалое, облупленное, но словно впитавшее в себя всю мудрость мира. Так влюбляются в мужчин – ярких, но тяжело пьющих.

Лена осматривала жилье и представляла, как комната с эркером (владельцы – алкоголик Петров в равных долях с таким же пьянчугой сыном) обращается в гостиную. А в просторном помещении с прекрасной лепниной на потолке – подумать только, девятнадцатый век! – конечно же, нужно устроить спальню. Договориться бы только с хозяйкой – та требовала за свои двадцать метров в коммуналке «двушку», да еще и в пределах Третьего транспортного кольца. А кухня, какая здесь была кухня! С камином – туда неразумные коммунальные жильцы сваливали всяческий мусор. С огромным, от пола до потолка, окном – правда, мыли его в последний раз, кажется, еще при социализме... И Лена просто *видела* – будто собственными глазами! – как в этой квартире живет счастливая, любящая, солнечная семья. В кухне – обязательно пахнет пирогами, а в детской (еще одна комната, в которой пока что проживала желчная отставная учительница) звенят колокольчиками голоса малышни...

Вот и решила пойти на риск.

Расселила (явно себе в убыток!) склочных рвачей-жильцов. Но, вместо того чтобы немедленно выставить квартиру на продажу, затеяла в ней ремонт. И не абы какой, не силами гастарбайтеров – но с дизайном, достойной отделкой, и даже мебель сама выбирала. Хотела своими руками, своей душой создать нечто необычное. То, что считала уникальным торговым предложением. Современный комфорт – но не в бездушной новостройке, а в доме с историей.

Имелось у нее огромное искушение – оставить чудесное старомосковское жилье за собой. Самой просыпаться здесь, вдыхать чуть терпкий аромат дома, здороваться с ним – он ведь живой! И видеть в окно не унылые окна панельных многоэтажек, а старенький, но упорно работающий фонтан.

Но то был не просто риск, а натуральное безумие. Елена (хотя и владела агентством недвижимости) до уровня тихого центра явно пока не доросла. Другое дело – продать квартиру-мечту за хорошие деньги тому, кто может ее себе позволить.

Однако покупатель на бывшую коммуналку не находил-ся никак. Оказалось, что лепнину, эркеры и прочие приметы старины давно уже воспроизводят в домах-новоделах. А пресловутая атмосфера старого московского двора – для богатых людей пустой звук. Квартиру смотрели, конечно. Но сразу начинали пенять: и дом давно без капитального ремонта, и соседи – народ чуждого круга, «да и фонтан еще этот убогий во дворе, лучше бы парковку построили».

И никому не было дела, что квартира – ее последний шанс. И никого не интересовало, что ради бизнеса она пошла на все. Даже предала единственного человека, которого любила.

Ох, Димка, Димка... Все десять лет, что прошли с момента их расставания, Елена уговаривала себя: он ей совсем не подходит. Ветреный, ненадежный, неперспективный. Вместе с таким хорошо чудить, пока сама молода. Выскочить без плаща и без зонта под летний дождь. Промчаться босиком по лужам, а потом согреться глинтвейном в разгар рабочего дня... Но стариться нужно под руку со стабильным, даже занудным.

Беда одна: стариться она уже начала. Любой косметолог скажет, что после тридцати наступает неумолимое увядание. А достойной пары себе так и не нашла. Да и бизнес дышал на ладан.

...На столе ее кабинета (когда ее отсюда погонят? Через неделю? Через месяц?) звякнул интерком.

– Елена Сергеевна, – возбужденно произнесла секретарша, – тут по Чистым прудам звонят!

Она встрепенулась:

– Кто?

– Мужик. Похоже, богатый! – с придыханием прошептала девушка.

Ага, богатый! Жди!

Лену всегда умиляло, как молодые девчонки (такие же,

как она сама десять лет назад!) представляют себе олигархов. Если человек обеспеченный, то обязательно костюм от «Бриони», ну, и, естественно, безупречно вежлив и чертовски галантен. И откуда, интересно, взялся сей миф? Те, кто спокойно выкладывают за квартиру миллионов эдак пять долларов, на просмотры, как правило, в джинсах являются. И галантность, и прочие свойственные сказочным принципам качества – тоже полная чушь. Если человек состоятельный, он дико самоуверен. И давно привык, что все вежливы с ним и мгновенно кидаются исполнять любое его желание. А ему, покровителю и благодетелю, на прочих двуногих глубоко наплевать. У Елены даже тест был: если покупатель обращался к ней на «ты», а то и грубил, значит, деньги у него точно имелись. А утонченные-вежливые всегда оказывались непризнанными гениями, способными купить максимум «однушку» в Балашихе, да и то с ипотекой.

... И у этого – голос слишком уж медовый. Вопросы тоже задает не хлесткие, а будто манную кашу размазывает по столу. Нет бы метраж уточнить или с места в карьер потребовать скидку. Начал по поводу фонтана расспрашивать, да что имеется в виду под выражением из рекламы «квартира с атмосферой». К тому же встречу назначал словами, какие миллионеру и в голову не придут: «Удобно вам сегодня около шести?»

Успешные люди так не говорят. Они заявляют: «Я буду на объекте в восемнадцать ноль-ноль».

– Вы поняли, сколько стоит жилье? – поинтересовалась Елена.

Не очень, конечно, вежливо, зато необходимо. Потому что интеллигенты вечно в ноликах путаются. Прочитают вместо двух миллионов – двести тысяч. И серьезно считают, что жилье на Чистых прудах может стоить не дороже «двушки» в Отрадном.

– Мне встречались квартиры и дороже, – задумчиво произнес потенциальный клиент.

Она решила зайти с другой стороны:

– А вы покупать собрались – или просто так, любопытствуете?

– Позвольте, я сначала посмотрю – что за такую волшебную квартиру вы создали? – усмехнулся мужчина.

– Да, конечно, – вздохнула Елена.

И пусть интуиция подсказывала: без толку она провозит-ся с этим интеллигентом, – показать ему злосчастное жилье решила сама. В ее отчаянном положении за любой крошечный шанс хвататься нужно.

* * *

Покупатель (звали его Леонидом Юрьевичем) оказался хорош собой и умеренно молод. На встречу явился вовремя, на рукопожатие не ответил – склонился к ее руке в поцелуе. Одет был дорого, и сидели на нем одежды *уверенно* — ощу-

тимый плюс. Приехал на «Лексусе» – что тоже внушало доверие. Но, главное: он вошел... заглянул в гостиную... улыбнулся солнечным краскам детской... задержался у камина на кухне... а потом уверенно произнес:

– Я понял, для кого вы ее построили.

– И для кого же? – улыбнулась она.

А мужчина рубанул:

– Для себя, естественно!

– Ну, тут вы ошибаетесь, – пожала плечами Елена. – Мне такая большая квартира не нужна.

И хотела сказать ему еще что-то очень разумное, очень по делу... Но у нее вдруг вырвалось – затаенное, против воли:

– А представляете, как здесь детям хорошо будет! Коридор огромный, носись, сколько хочешь, а в чулане можно книжки читать, с фонариком!

Леонид озадаченно взглянул на нее:

– А зачем в чулане?

– Чтоб было страшнее, – улыбнулась она. – Я сама в детстве в укромные уголки забиралась. И читала «Остров сокровищ», как слепой Пью приносит Билли Бонсу черную метку...

Леонид с интересом взглянул на нее. Усмехнулся. Произнес:

– Да, Елена Сергеевна. Вы интересный человек.

И плеча коснулся. Уверенно, но нежно.

Запал, что ли, на нее? Приставать сейчас начнет? Да

пусть! Что угодно, она готова на все – лишь бы купил!

– Хотите посмотреть документы на квартиру? – с надеждой произнесла девушка.

Однако мужчина лишь покачал головой:

– Не так сразу, Елена Сергеевна. Но спасибо, что уделили мне время.

* * *

Пусть и стыдно в тридцать лет фантазировать, но Лена все же не удержалась. По пути домой, в душной летней пробке, представляла, как сейчас зазвонит мобильник, она снимет трубку – Леонид, и он скажет: «Я решил. Квартиру беру». А дома, когда раскинулась на диване, еще дальше пошла. Все поглядывала на телефон и представляла: Лёня. Но звонит не просто насчет квартиры – а приглашает в ресторан. И за бокалом холодного шамбли говорит, что всю жизнь мечтал познакомиться с такой, как она. С девушкой, умеющей создавать атмосферу...

Ночью же совсем позор: приснилось, будто пьют они чай на кухне той самой квартиры, на Чистых прудах. Она – в кокетливом халатике, Леонид – в потертых домашних джинсах. А в светлой детской – веселятся-хохочут их дети. Вот наваждение! Солидная, зрелая женщина – и столь несерьезные сны! Было бы простительно, если б Леонид обворожил, опьянил. Зародил зернышко вожеления. Но ничего ведь по-

добного! Как мужчина совсем и не понравился. Только как потенциальный покупатель. Хотя разум, конечно, подсказывал: чтоб заставить купить квартиру, отдайся ему, что угодно сделай...

Впрочем, собственное тело надо было пускать в ход раньше – десять лет назад, когда только начинала мечтать о бизнесе. Давно бы уже миллионершей стала! А сейчас поздно уже.

* * *

Следующий день прошел неудачно, бесцветно. Лена провела пару показов – все без толку, покупатели даже подумать не обещали, просто сухо прощались. Звонили из банка и снова пугали очередными карами. И уже совсем к вечеру позвонил Леонид.

– Что вы решили? – как могла беспечно, поинтересовалась Елена.

– С квартирой – пока ничего, – махом отрубил тот. И требовательно добавил: – Хотите вместе поужинать?

– Я...

Мужчина перебил:

– Буду ждать вас в девять вечера в «Барвиха-плаза».

«Другой конец города и вообще – край света! К тому же пятница, на дорогах сплошные дачники. И одета я не на выход! И...»

– Да, я буду, – твердо откликнулась Елена.

Если есть хоть какой-то шанс избавиться от квартиры-мечты, она просто обязана его использовать.

* * *

«Нет, он все-таки олигарх! – возмущенно думала Лена, возвращаясь домой. – Самый настоящий. Невоспитанный. Надутый. Самовлюбленный!..»

Что за пытку ей уготовил Лёня! Весь вечер беспечно болтал. Естественно, о любимом себе. Рассказывал, как охотился на волков с вертолета, ездил на трекинг в Непале... Про злосчастную квартиру – ни слова. И приставать тоже не попытался. Держался ровно, дружелюбно. Но так проводят время с любой симпатичной, неглупой и отчасти состоявшейся девушкой... Короче, никакого толку от него. Только время зря потеряла и, ха-ха, поела бесплатно...

Минула полночь, из окрестного леса сладко тянуло сыростью. Вызывающе сверкали огнями роскошные особняки, желтыми магнетиками подмигивали оконца редких шестисоточных дачек. А Елена грустно думала: наверно, в домах горит свет, потому что кого-то там ждут. Волнуются, греют к приходу чай. И только в ее квартире безнадежно темно. И Лёня (пусть и совершенно ей неинтересный) даже не предложил ее проводить...

И опять вспомнился Димка. Безнадежный. Бесперспек-

тивный. Бесшабашный. Которого она когда-то предала... Вычеркнула из своей жизни – яркой, шумной и красочной ночью...

* * *

Все прекрасно знали: двухтысячный год – не первый год нового века, а всего лишь последний – предыдущего. Но каждый считал своим долгом встретить его по-особенному!.. Лене тоже очень хотелось – не салата «Оливье» и Ельцина по телевизору, а чего-то необычного, волшебного, вдохновляющего. Только что они с Димкой могли тогда себе позволить? Оба – студенты: она – экономического, он – строительно-го... А цены на заграничные поездки под занавес тысячелетия взлетели до небес, рестораны, под предлогом «уникальной шоу-программы», просили за новогодний ужин несусветных денег, и даже подмосковные дома отдыха вдруг, на пару-тройку новогодних дней, обратились в пятизвездочные отели... Димка, правда, попробовал со сторожем в бассейне договориться, чтобы тот пустил их с Леной поплавать – в новогоднюю ночь, только вдвоем. Но в последний момент сорвалось: бассейн официальным порядком сняла удалая компания.

А Лена упрямо произнесла:

– Все равно. Сидеть дома и строгать «Оливье» я не буду. Даже не надейся.

И тогда Димка придумал: зимний лес. Глухой, заснеженный, сказочный. Яркий, как в «Двенадцати месяцах», костер. Шашлык. Бой курантов из динамиков магнитофона...

И пусть они, пока ехали в лес, пару раз завязли в огромных сугробах. А потом еще костер никак не хотел разгораться. И угли получились хилые, шашлык, естественно, не пропекся. Ноги сразу же замерзли... Все равно было весело, беспечно, красиво. Правда, боя курантов в холодном лесу Лена с кавалером не дождалась: погрузили в машину остатки трапезы и помчались, прокопченные и чумазые от костра, на Красную площадь. Димку, за пять минут до полуночи, остановил гаишник и, конечно, унюхал, что от того попахивает спиртным. Но диких штрафов за пьянку тогда еще не ввели, да и люди (даже гаишники) были добрее. К тому же Новый год на носу! Всего-то пятисоткой удалось откупиться. Да и Лена очаровывала блюстителя порядка, как могла. Презентовала милиционеру резервную бутылку шампанского, что оставляли на Красную площадь... А в обмен попросила, чтоб он отдал ей, на время боя курантов, милицейский свисток. Так и проводили тысячелетие. Под крики «ура», хохот прохожих и отчаянный Ленкин свист.

А потом, уже часам к двум ночи, веселье сошло на нет. Девушка почувствовала, насколько она устала. Ноги совсем заledenели, есть захотелось. Да еще, как назло, из сияющего всеми огнями «Балчуга» на улицу высыпали дамы в меховых накидках поверх вечерних платьев, с изящными бокалами в

холеных ручках...

– Димка, пойдем тоже шампанского там выпьем, – попросила Лена.

– А на какие шиши? – жизнерадостно откликнулся тот. – Последние деньги гайшнику отдали!

И в нее вдруг словно бес какой вселился. Заговорил едким, надменным голосом:

– Ну, вот. Чего я и боялась. Телевизор. Тоска. «Оливье»...

– Леноч, да ладно! – взмолился Димусик. – Разве в лесу плохо было?.. И на Красной площади – тоже! Будешь всем теперь рассказывать, как свистела под бой курантов!..

А в «Балчуге» тем временем начался свой собственный, эффектный фейерверк. Из светлого холла пахло ароматным кофе и свежей выпечкой... И Лена вдруг отчетливо поняла: Димка – он классный, конечно. Но только никогда он ей не обеспечит ни мехов, ни лимузинов, ни просто нормального уровня жизни. Они оба поседеют, но по-прежнему будут наслаждаться романтикой зимнего леса и пить шампанское на холодном ветру. И проводить выходные станут даже не на даче (участки-то огромных денег стоят!), а, дай бог, в каком-нибудь захудалом пансионате...

Она, конечно, не стала ссориться с Димкой, пока кругом праздник. Но для себя твердо решила: скоро начинается новый век. И в нем она просто обязана добиться успеха... А Димка... Что Димка? Тот, видно, навсегда и останется как маленькая собачка, до старости щенок. Вот пусть и порхает

по жизни – без нее.

* * *

Леонид позвонил ей на следующий день в девять утра. Неприлично рано, особенно для субботы. Извиняться, что разбудил, не стал. Деловито произнес:

– Через час у моего офиса. Жду.

«Езды туда – минут сорок пять. Вымыть голову, одеться, накраситься-собраться за четверть часа – полный экстрим. Но когда на кону такая сделка...»

И Лена осторожно произнесла:

– А что мы будем делать... в вашем офисе?

Он понял ее невысказанный вопрос. Хохотнул:

– Нет-нет, насчет квартиры я еще пока не решил. Я вас просто за город приглашаю. На уик-энд.

И тут она взорвалась:

– С какой стати? У меня на выходные свои планы!

Однако зловредный богач парировал:

– Что ж. Как угодно. Но другого шанса уговорить меня уже не будет!

Просто издевается над ней. И как сейчас было бы эффектно: просто его послать!.. Но только когда тебя не сегодня завтра из бизнеса выкинут, выбирать не приходится.

И Лена покорно произнесла:

– Хорошо. Я буду.

– Тогда не опаздывайте, – весело напутствовал Леонид. И добавил: – Да, и имейте в виду. Форма одежды – походная.

Значит, даже не в Ниццу на выходные зовет – куда-то в подмосковные леса. Но что остается делать?..

...Когда Лена пересела в Лёнин вызывающе-красный спортивный автомобиль, все же не удержалась, спросила:

– Вам что, уик-энд провести не с кем?

Думала смутить, но мужчина лишь усмехнулся:

– Как вы догадались?

– Можно подумать, в Москве других девушек нет, – хмуро произнесла она.

– Но вы-то стараться больше всех будете! – подмигнул злодей.

– Черта с два! – не выдержала Елена. И потребовала: – Остановите. Я выйду.

Однако мужчина лишь прибавил газу. И небрежно бросил:

– Не горячитесь, Елена Сергеевна. Я вам нужен, вы сами прекрасно знаете.

– Только спать с вами я не буду все равно, – твердо заявила она.

Но мучитель лишь хохотнул:

– А разве я предлагал? Нет, испытание я приготовил суровее!..

Что ее ждало впереди, Лена не знала, но пока что выглядело безопасно и даже мило. Леонид привез ее в симпатичную загородную гостиницу. Поселил в двухкомнатном люксе (ему самому, впрочем, вручили ключи от пентхауса). Выглядел номер, особенно по контрасту с городской пылью и духотой, просто чудесно: холодные цвета отделки, ледяное шампанское в ведерке со льдом, могучие лапы сосен за окном. «Все-таки он меня соблазняет, – мелькнуло у Елены. – Но зачем? Подумаешь, суперприз! Не блондинка, не красotka, не малолетка... Или у него хобби – укладывать в постель именно взрослых, уверенных в себе и чего-то достигших?..»

А на секс, наверно, можно и согласиться. Ведь давно уже нет иллюзий, как в шестнадцать, – что даже поцелуй только по любви. И от самонадеянности – *никогда я не буду делать карьеру собственным телом!* – тоже уже ничего не осталось... Только бы гарантии получить, что все жертвы окажутся не зря.

...Однако Леонид постельных утех по-прежнему не требовал. И, когда они встретились в холле гостиницы, неожиданно спросил:

– Со здоровьем у вас все в порядке?

– Что вы имеете в виду? – зарделась она.

– О, всего лишь, нет ли у вас повышенного давления, –

подленько усмехнулся тот.

– Мы что, собираемся лететь в космос?

– Нет, – покачал головой мужчина. И серьезно добавил: – Даже до стратосферы не доберемся. Какие-то четыре тысячи метров.

И тут Лена наконец поняла. Озадаченно пробормотала:

– Вы что, меня с парашютом привезли прыгать?..

– Да! – радостно откликнулся Леонид. И многообещающе добавил: – А когда приземлимся... если все, конечно, пройдет благополучно... тогда и о нашем с вами бизнесе поговорим.

* * *

Парашюты Елене, к счастью, были не в диковинку. Уже прыгала прежде – с тем же Димкой, будь он неладен. Тот – истинный мотылек! – обожал риск, полет, опалить крылышки. И когда обоим оставался год до окончания институтов, прыжками заболел отчаянно. И ее втянул: «Ленок, такой класс! Представляешь, под тобой – все небо! И ты в нем хозяйка!..»

Класс, конечно, Лена не спорила. И сами прыжки ей нравились. Но вот все, что тому сопутствовало... Жили они на спортивном аэродромчике, в холодной казарме. Питаться приходилось в столовке. Мыться – под ледяным душем. Времени уходило дай бог. Димка настаивал, чтоб на аэродром

они приезжали с вечера четверга и оставались там до исхода воскресенья. Даже если небо безнадежно обложено тучами – вдруг появится минимальный просвет и борт успеет сделать хотя бы единственный подъем?.. А если с погодой везло, Димочка всегда стремился напрыгать в день как можно больше. Пять, шесть, даже восемь прыжков... Едва приземлялся, немедленно мчал быстренько уложить купол – и в новый взлет. Но только каждый прыжок денег стоил, и, по тогдашним доходам, немаленьких – десять долларов. На двоих за выходные до четырехсот «зеленых» улетало. Запросто можно было в Египет по горячей путевке слетать. Но Лена о турпоездках даже заикаться не смела. Потому что Дима откликался монологом: «Ты что? Египет – это для ленивых и жирных! А тут небо! Полет! Риск! Да и перспектива!..»

Под перспективой Дима понимал, что их обоих могут со временем пригласить в сборную города. И тогда прыжки бесплатные, жилье с питанием – за государственный счет! Да еще и заграничные поездки...

Заманчиво, конечно, для школьника – или романтика-бессребреника, коим сердечный друг и являлся. Но она уже тогда о собственной риелторской фирме подумывала. И сравнивать карьеру спортсменки-парашютистки с перспективой *большого бизнеса* даже не приходило ей в голову. Конечно же, без вариантов: бизнес! Тем более что неоднократно встречала на аэродроме дамочек, посвятивших жизнь небу. Рано постаревшие, лица в морщинах, ногти вечно об-

ломаны (когда купол укладываешь, маникюр сберечь невозможно). Неприкаянные, помешанные на стихии. Но только, считала Лена, небесный азарт молодых, может, и украшает. А дама за сорок в плохоньком спортивном костюмчике и с парашютом на плечах выглядит по меньшей мере нелепо...

Пыталась, как могла, объяснить Димке, что вовсе не обязательно завязывать с небом навсегда. Но изменить приоритеты, сбавить обороты... Заниматься бизнесом... А парашюты – оставить как развлечение...

Димка делал вид, что соглашался. Но только – теперь уже без нее! – при первой же возможности удирал на аэродром. Эти побеги и стали в их отношениях последней каплей.

* * *

– Прыгать будешь на тандеме, то есть вместе с инструктором. Не волнуйся, риск вообще нулевой, – тоном знатока просвещал ее Леонид.

А Лена (она уже отошла от первого шока) загадочно улыбалась. Что ж, впервые в отношениях с олигархом у нее появился козырь. Она, конечно, не прыгала больше десяти лет – бизнес закрутил настолько, что в выходные только выпастись мечтала, какой уж аэродром. Да и не хотелось, если честно, без Димки. Но позориться на тандеме не станет – над подобными «спортсменами» она во все времена посмеивалась. Разве героизм – вывалиться из самолета, будучи намертво

прикрученным к инструктору? И нестись к земле – на пару с ним и полностью под его ответственность? Единственное, что требуется, – не вырываться и не орать. Стыдобища!..

...И на летном поле Лена первым делом спросила у встретившего их инструктора:

– А «ПО-17» с производства, наверно, уже сняли?

– Давно, – усмехнулся воздушный волк и с интересом взглянул на нее: – А вам что, знаком купол?

– Ну... я на нем чуть-чуть до пятисот прыжков недобра-ла, – усмехнулась девушка.

А Леонид впервые взглянул на нее с неприкрытым, абсолютно *мужским* интересом. Удивленно произнес:

– Ты не шутишь?

– Не-а, – улыбнулась она. И, вновь обернувшись к инструктору, произнесла: – Я еще в группе Фомича начинала. В той самой, первой в стране. По групповой акробатике...

– О, серьезная девушка, – уважительно произнес повелитель неба. И с оттенком зависти добавил: – Почти все оттуда давно в сборной. Кубок мира в прошлом году взяли...

– Ну а я выбрала бизнес, – пожала плечами Елена.

– Да, я понял. – Инструктор мазнул взглядом по их эффектной спортивной машине, припаркованной в шаге от летного поля.

А Леонид с заговорщицким видом положил руку ему на плечо:

– Слушай, брат, ну, раз она – воздушный волк... Точнее,

волчица... Пусть со мной прыгнет? Как инструктор, а?..

Лена фыркнула. Переглянулась со старым парашютистом. Насмешливо произнесла:

– Нет, дорогой. Для этого специальный сертификат нужен. Но, если хочешь, я прыгну сразу за тобой... Будем падать рядышком.

И хулигански добавила, прямо в Лёнино ухо:

– А договор купли-продажи можешь прямо в свободном падении подписать!

Круто развернулась и, чувствуя, как все тело наполняется радостными пузырьками предвкушения, помчалась на парашютный склад. Нужно, на первый раз, выбрать себе не «Стилето» и не «Эсклабур», а что-нибудь поспокойнее.

* * *

Ох, как же ей парашютов, оказывается, не хватало!

Веселой толкотни в вертолете, лиц, исполненных показной беззаботности (хотя на самом деле перед прыжком немного волнуются даже чемпионы из чемпионов). Не хватало стремительно удалявшейся земли (а вместе с нею, казалось, внизу оставались и все, даже абсолютно неразрешимые проблемы). И сам воздух здесь, на высоте, был совсем другой. Сразу после взлета – горячий, напоенный ароматом потревоженной травы и солярки, но с каждой набранной сотней метров на борту становилось все свежее – будто не вверх

поднимались, а постепенно перелетали из знойного летнего полудня в прохладную осень...

Лена сидела, свесив ноги в открытую рампу¹. То была привилегия опытных спортсменов (начинающих, от греха подальше, сажали на скамейки поближе к кабине пилота). Но Лену – хотя она и была на этом аэродроме абсолютным новичком – выпускающий из опасного места не погнал. Или слух разлетелся, что она когда-то (пусть десять лет назад!) тоже подавала надежды. Или просто жаль стало матерому летуну стирать счастливую, предвкушающую улыбку с ее лица...

До чего же прекрасен мир – когда смотришь на него не из герметичного салона, не сквозь иллюминатор рейсового самолета! Все совершенно другое. Вот промелькнула стоянка, Лёнин спортивный автомобиль. На земле – машина впечатляла, вызывала зависть, а сверху выглядела просто как несолидная коробочка. А теперь – лес, и четко видно, как, не разбирая дороги, мчится испуганный ревом мотора бурый заяц. А потом – дачи (до чего забавно с высоты сто метров выглядят тетки, что копаются, попой кверху, в своих огородах!).

...А с борта, что взлетел за пятнадцать минут до них, уже посыпались парашютисты. В безоблачном летнем небе видно далеко, ясно. Вот парочка – летит в свободном падении, лицом друг к другу, взявшись за руки, и, кажется, целуется.

¹ Съемная хвостовая часть корпуса вертолета. В теплую погоду (в отличие от зимы, когда отделение происходит в дверь) прыжки производятся через нее.

Так увлеклись, что едва в бэпэ² не свалились, и открылись поздновато, метрах на пятистах. К гадалке не ходи: приземлятся – получают нагоняй от начальника старта. А за ними отделяется команда. Восьмерка. Сразу видно, опытные. Делают все перестроения настолько быстро, что даже количество фигур подсчитать не успеваешь. И купола у всей команды вспыхивают на безопасных восьмистах метрах. Ничего не скажешь, профессионалы... «А вдруг там, с ними, – и Димка?!» – мелькнуло у Лены в голове. Но она, конечно, прогнала от себя мысль о нем. Откуда ему здесь, на коммерческом аэродроме, взяться?.. Да и вообще не факт, что отставной бойфренд связал свою жизнь с парашютным спортом. Диму-сик – он ведь такой: сегодня на уме одно, завтра другое. Может, давно уже перешел в серферы. Или увлекся бейс-джампингом. А может, просто спился. У парней его склада, увлекающихся и безалаберных, пьянка – самый частый жизненный исход...

² Беспорядочное падение. Прежде чем открывать парашют, его обязательно надо стабилизировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.